

лись, а потом одна – новая – вонзилась глубоко и не уходила. Он вспомнил о подвиге Гастелло.

"Да, другого выхода нет", - сказал он себе и стал разворачивать самолет, и в это время вдруг наступила такая тишина, что он даже растерялся. Кончился бензин. Самолет был над самой водой и до судна уже не смог дотянуть.

Берестов включил радиостанцию и передал, что живым им его не взять.

- Прощайте, - сказал он. - Да здравствует Родина! - откинул крышку фонаря и отстегнул парашют, инстинктивно посадил машину на воду, и, пока она еще не зарылась в волнах, выбрался наружу. Поворот вентиля - и воздух из баллончика надул под ним резиновую лодку.

Судно с креном развернулось и стало приближаться. Берестов окинул взглядом установленные на невысокой палубе зенитные пушки и вынул из кобуры пистолет, стал стрелять в стоявших у орудий фашистов.

Теперь летчик жалел только об одном - товарищи не узнают, что он не праздновал труса в последнюю минуту, не услышат его последнего выстрела.

Но они не услышали бы этого выстрела, если бы даже находились рядом. По неведомой случайности в обойме не оказалось одного последнего патрона, который он предназначал для себя.

Берестова схватили. Капитан судна тут же решил учинить ему допрос. Он был в благодушном настроении: надеялся на то, что получит Железный Крест.

Летчик молчал.

- Мне есть удивительно везет, - сказал капитан корабля, играя позолоченным кортиком. - Вчера я бух-бух - вашего коллегу. Он упал на этот мест и утонул. Очень жал. Но вы взвестили утрату.

Берестов задыхался от ярости, выбрал момент и со всей силой ударил капитана сапогом в живот. Тот рухнул, как сноп, даже не охнув. На летчика набросились сразу несколько гитлеровцев. Избили и кинули в трюм.

Когда к нему вернулось сознание, он услышал шум работающих за переборкой двигателей, потом отрывистую речь матросов наверху, топот кованых сапог по металлическим лестницам. Где-то в другом конце трюма монотонно капала вода. Кап-кап и замолкнет, потом снова... кап-кап... Летчик облизал пересохшие губы, решил подняться на ноги, но тотчас же снова упал от дикой боли в пояснице. Несколько минут лежал без движения на железной обшивке, которая все время тонко дребезжала. За ней тихо журчала вода.

Берестов знал, что жить ему осталось недолго. Но это почему-то не пугало его. В ту минуту больше всего хотелось пить. "Хотя бы один глоток". А в другом конце трюма, где стояли какие-то бочки, все капала и капала вода.

Снова попытался встать. Теперь был осторожнее не поднимался на ноги, пополз. Жажда заглушала боль в пояснице. Вдруг рука попала в воду, скопившуюся на дне трюма между шпангоутами. Припав к ней губами, майор глотал теплую солоноватую воду, пахнувшую ржавчиной и керосином.

Потом вымыл лицо, намочил голову и грудь. Стало легче. Поднялся на ноги.

Держась рукой за обшивку, пошел к маячившему впереди иллюминатору, споткнулся о железный барабан, поставленный на попа. В барабане что-то загремело. Берестов с трудом открыл крышку, сунул руку внутрь и вытащил кусок карбида. Бросил его на дно трюма. Карбид, видно, попал в воду, потому что уже через минуту летчик почувствовал сладковатый удущливый запах.

И вдруг его осенило. В одно мгновение припомнились мальчишеские проказы, за которые не раз влетало от деда.

"Я не должен упустить такую возможность, - твердил он себе. - Не должен!".

Барабан оказался настолько тяжелым, что поднять его было невозможно. Тогда летчик с силой уперся спиной в обшивку и ногой свалил его набок; осторожно стал подкатывать к луже, из которой только что пил. Через несколько минут карбид был высыпан в воду. Началась бурная химическая реакция, запахло ацетиленом. Берестов знал, что этот газ с каждой минутой будет накапливаться. При определенной концен-

трации его легко взорвать - для этого потребуется чиркнуть зажигалкой.

Стал ждать ту минуту, когда все - и корабль и он сам - взлетят в воздух, но боялся, что судно прибудет в порт раньше, чем концентрация газа станет взрывчатой. За летчиком могли прийти, и тогда все бы обнаружилось.

Он приблизился к иллюминатору, сквозь толстое запыленное стекло увидел вдали огоньки. Судно входило в гавань.

"Неужели не успею?". Потом подумал, что в такой атмосфере может в любую минуту потерять сознание, и тогда уж некому будет поджечь газ. Надо подготовить огонь сейчас.

Берестов отошел в противоположный конец трюма и вставил зажигалку - подарок механика - между досок лежавшего на полу ящика. Слабый неровный огонек осветил темное пространство, которое теперь заполнялось взрывчатым газом. Впервые за все время ему сделалось страшно. Ведь теперь судно было похоже на бомбу замедленного действия, а он как бы находился внутри этой бомбы.

Пришла мысль о спасении. А что если перед самым взрывом выпрыгнуть через иллюминатор в воду? Да, конечно, в него будут стрелять. А потом... потом им станет не до этого.

Летчик открыл иллюминатор, приник к нему лицом и плечами, чтобы не выпустить из трюма ацетилен. Глотал свежий бодрящий воздух, и с каждым глотком к нему возвращались физические силы и надежды на спасение.

По палубе взад и вперед сновали матросы. Берестов немного знал немецкий язык. Разговоры были самые незначительные, будничные: о береге, о женщинах, о кабачке, который матросы собирались посетить вечером.

Вдруг услышал:

- Свиньи, вытащите его сюда, облейте водой. А потом хорошенько связите по рукам и ногам.

Это был голос капитана. Как видно, он пришел наконец в себя и теперь ругал матросов.

Берестов понял, что надо во что бы то ни стало отвлечь их внимание от трюма. С большим трудом протиснулся плечами в иллюминатор, но ноги тотчас же лишились опоры, и тело стало беспомощным.

Назад... Надо сначала просунуть руки. Уперся ладонями в обшивку изнутри, но этих усилий было недостаточно. Летчик торчал в иллюминаторе, как пробка в горлыше бутылки, и не мог двигаться ни назад, ни вперед.

"Сейчас они придут, придут, придут, - стучало сердце. - Все кончено, кончену, кончену".

Сделал последнее усилие и снова очутился в трюме. Из ран на плечах текла кровь, но Берестов этого не замечал.

Нельзя было терять ни одной секунды. Сложил руки над головой и опять сунулся в иллюминатор. Теперь проскочил до пояса, а дальше застрял. Однако у него были свободные руки. Упираясь ими в борт, он медленно, сантиметр за сантиметром, протискивал туловище.

На палубе пока еще не замечали его. Труднее всего оказалось закрыть иллюминатор. Лейтенант чуть не сорвался в воду раньше времени. Наконец все было сделано. Оттолкнувшись ногами от борта, он с криком полетел в воду.

Находившиеся на палубе матросы бросились к борту, за которым послышался этот крик. В руках у некоторых появились пистолеты. Капитан так растерялся, что не сразу приказал застопорить машину. Корабль продолжал быстро удаляться от места падения летчика.

Вынырнув из воды, Берестов услышал над головой свист одиночных пуль: фашисты, видно, все еще не могли очухаться, да и стреляли скорее наугад, потому что было уже довольно темно.

Набрав воздуха, летчик снова нырнул.

Судно наконец остановилось. Матросы стали спускать за борт шлюпку.

Холодная вода обжигала тело. Волны захлестывали с головой, но Берестов снова появлялся над ними, продолжая изо всех сил удаляться от судна.

И тут раздался оглушительный взрыв. Огненный столб взвился над водой, красным заревом окрасились и море, и небо.

- Это вам за друга! - выплевывая соленую воду, выкрикнул лейтенант.

Ему было видно, как от пирса отделились несколько кораблей и пошли на помощь горевшему судну.

Летчик знал, что сейчас никому нет до него дела. И ему было впору подумать о себе.

Он повернулся к берегу туда, где меньше всего горело огней. могли прийти, и тогда все бы было спасено.

А потом были блуждания по берегу в поисках убежища. Он спрятался под лодкой, но выбраться оттуда уже не мог, радикулит и воспаление легких приковали его к земле крепче любых цепей. На помощь летчику пришли местные рыбаки. Они укрыли Берестова на чердаке полуразвалившегося дома. За ним ухаживала очень милая девушка. Ее звали Катей. Она приносила ему еду и, кажется, влюбилась в него, рассказала, что взрыв на патрульном судне вызвал пожар на других, стоявших в порту кораблях. Из них выплынула в море какая-то ядовитая горючая жидкость, которую фашисты собирали с поверхности воды специальными приспособлениями, и в это время к берегу никого не подпускали. Рыбаки говорили, что это было какое-то вещество для ракетных моторов.

Летчик открыл иллюминатор и надеялся, что кто-нибудь прохожий увидит его и спасет. Но никто не появился.

По палубе взад и вперед сновали матросы. Многие из них много знали немецких языков и пытались общаться с капитаном и членами экипажа.

Матросы собирались посетить вечером Катю, которой было всего пятнадцать лет.

По палубе взад и вперед сновали матросы. Многие из них много знали немецких языков и пытались общаться с капитаном и членами экипажа.

Берестов понял, что надо во что бы то ни стало отплыть в Испанию, судно же было вакансиям, и судно, магазином стало беспомощным.

Часть вторая

С бывшим партизаном Орловым меня свел случай. Мы познакомились в доме отдыха санаторного типа, где оба поправляли расстроенное за годы войны здоровье. И получилось так, что нас поместили в одну комнату, рассчитанную на двух человек. И как нередко бывает в подобных ситуациях, мы, будучи фронтовиками, быстро нашли общий язык и скоро даже сдружились, рассказывали один другому о своей жизни, о пережитом на войне. И вот однажды, как бы между прочим, в разговоре о минувших событиях было упомянуто имя летчика Берестова, что обоих привело в радостное изумление. Вот уж воистину: на ловца и зверь бежит. Мне давно хотелось что-нибудь узнать о ком-либо из однополчан.

И вдруг нежданно-негаданно такая удача. Я предложил Орлову по этому знаменательному поводу пропустить по сто грамм, как это бывало на фронте при определенных обстоятельствах. Он не стал отказываться. Мы спустились в бар и отметили такой поворот в разговоре. После похлопывания друг друга по плечу и восклицаний, какие случаются в подобных случаях, у нас завязалась беседа о том, что обоих интересовало.

Конечно, потребовался не день и не два, чтобы я многое узнал о Берестове после того, как наши пути разминулись, и теперь излагаю в этих записках, равно как и Орлов, о том, что связывало меня с Берестовым раньше.

За отправной момент в своем рассказе о приключениях летчика мне следует взять ту пору, когда его вышла и подняла на ноги рыбачка Катя. Однако пребывание в холодной воде пагубно отразилось на здоровье летчика. Он застудил бронхи и оказался непригодным к летной работе. Нелегко было Берестову расстаться со своей профессией, напрямую связанной с боевыми действиями. Ему хотели предложить

работу в штабе авиационного полка диспетчером оперативного отдела. Но это было не по нутру боевому летчику, и Берестов, пройдя соответствующую проверку на благонадежность, вызванную тем, что он временно находился на оккупированной немцами территории, добился, чтобы его включили в разведывательную группу партизанского отряда, действовавшую в тылу врага, о чём он узнал от Кати, с которой у него завязались дружеские отношения.

Этой группой командовал тогда мой новый знакомец майор госбезопасности Орлов.

Когда Берестов прибыл к месту нового назначения, в руки партизан попала крылатая бомба, которая не взорвалась во время испытаний. Собственно, это даже не бомба, а только отдельные части от неё. Партизаны выловили их в болоте. И по клейму, которое было выбито на корпусе, определили, что отдельные части изготовили на авиационном заводе Ганса фон Бауэра.

Как только находка попала в руки партизан, командир группы, опытный чекист Орлов, переправил ее в основной партизанский лагерь. Об изделии было доложено на Большую землю. А оттуда поступило задание: как можно быстрее узнать, где производятся такие бомбы.

Орлов связался с нужными людьми из подполья концлагеря, заключенные которого работали на авиационном заводе Ганса фон Бауэра. Для этой связи использовался примыкавший к лагерю низменный болотный лес, куда гоняли узников во время воздушных тревог, а также после трудового дня, когда у заключенных темнело в глазах и подкашивались ноги от голода и усталости, чтобы они ели там ягоды и почки деревьев. Это было их ужином в те дни, когда администрация завода, заботясь об экономии, сокращала порции еды вдвое.

Обессиленные, потерявшие трудоспособность заключенные направлялись в лазарет, где им ставился один и тот же диагноз: "духовная неполноценность". В документах на таких людей появлялась зловещая пометка "14!13". "Душевнобольных" отравляли газом, якобы с целью воспрепятствовать появлению наследственно больного потомства. Партизанские разведчики доставали из тайников на болоте послания от

своих людей из лагеря о технических данных выпускаемых на заводе продукции, о заводских испытаниях двигателей, об их отправке в авиационные части и оставляли то, в чем узники испытывали острую нужду: части для радиоприемников, медикаменты и кое-что из провианта для больных. Конечно, партизаны прибегали к этому "обмену" только в самых исключительных случаях.

Подпольщики из Сопротивления концлагеря ответили Орлову, что у них нет данных о производстве нового оружия, хотя они и не могли поручиться, что какие-то детали для такого оружия не изготавливались на этом заводе.

И тогда у Берестова состоялся с Орловым разговор, после которого летчику надлежало проникнуть в концлагерь.

- В нашем отряде всего два бывших авиатора, ты и Павло, - сказал Орлов, перекладывая на столе с места на место части разобранного трофейного пистолета - автомата, с которым он никогда не расставался, - ты и Павло. А больше в этом деле никто ни черта не смыслит. В том числе и я.

Орлов волновался и не находил подходящих слов, наверное, поэтому с его языка и сорвалось обидное для Берестова слово "бывший". Командир всегда волновался, когда посыпал людей на задание, связанное с риском для жизни. Он не мог забыть, как однажды партизанский отряд выполнял боевую операцию под кодовым названием "Троянский конь", когда двум удальцам удалось проникнуть на секретный полигон, где испытывались новые фауст-патроны. Им удалось взорвать испытательные стенды, но сами они уже не вернулись оттуда.

- Я не раз рисковал жизнью и готов к любому исходу операции, - сказал Берестов. - И за ценой не постою.

- А вот об этом не будем. Ты нужен нам и Отечеству живым и невредимым. И надо, чтобы так и было. Наша задача - все выведать и передать за линию фронта. А там решат, как поступить.

Помолчав немного, командир сказал:

- Есть сведения о скором прибытии на железнодорожную станцию нового транспорта с заключенными. Подполье лагеря гарантирует ложную воздушную тревогу, как только заключенные прибудут. Мы должны этим воспользоваться...

Орлов сказал мне, что концлагерь, о котором идет речь, "обслуживал" не одно промышленное предприятие из Германии. Эсэсовцы получали за это от их владельцев соответствующую мзду.

Часть узников, в число которых должен был внедриться и Берестов, работали на авиационном заводе. Он размещался в ста с лишним километрах от основного лагеря, а поэтому эсэсовцы вынуждены были создать здесь своеобразный филиал рабов Германской индустрии. В этом филиале можно было встретить людей самых разных национальностей. Продившиеся одна за другой мобилизации в Германии, если и не опустошали, то в значительной степени ослабили научно-техническую прослойку на предприятиях рейха. Немцы вынуждены были прибегать к иностранным специалистам, сгоняли их на заводы и фабрики со всей Европы. Немало их было и здесь. Конечно, гитлеровцы с большим желанием послали бы на фронт заключенных в качестве "пушечного мяса", но они понимали, каков был бы результат. Создаваемые фашистами антисоветские легионы, прежде всего из военнопленных немецкой национальности, еще на пути к фронту, в армию генерала Власова, разбегались. Легионеры разоружали своих комиссаров и возвращались на Родину или вступали в партизанские отряды. В том партизанском отряде, куда попал Берестов, действовавшем у границ Германии и нередко совершившем рейсы в тыл врага, ловко минуя окопы, дзоты и проволочные заграждения, тоже были несколько человек из разбежавшегося легиона. Они люто ненавидели фашистов и дрались не хуже остальных.

Однако продолжу рассказ Орлова.

- С Павло был разговор? - спросил у него Берестов.
Командир отрицательно покачал головой:
- Двоих перебросить туда труднее, сам понимаешь.
- Да, конечно, - сказал Берестов. - И правильно, что начали с меня. Спасибо за доверие, - и он попытался изобразить на лице улыбку.
- Не знаю, правильно ли. Просто я больше знаю тебя, твою ловкость и смекалку. К тому же Павло, как тебе известно, уже

находился в этом лагере, его могут опознать. И тогда наше дело еще больше усложнится.

- Да, мне это известно.
- Конечно, дело рискованное. Может случиться всякое.
- Чему быть, того не миновать.
- Орлов кивнул.
- Попытаемся выработать план действий.

Командир назвал Берестову человека, к которому он должен был обратиться в лагере за поддержкой. По образованию экономист, работал в заводоуправлении - помощником старшего писаря. Его звали Ян Гула, и он был активистом Сопротивления, в задачу которого входило всячески тормозить выпуск моторов, срывать задания министерства имперского воздушного флота. В связи с прибытием русского разведчика особо доверенным лицам было дано задание узнать что-либо о производстве планирующих бомб, но на след пока никто из них не напал.

Этот завод был построен вскоре после того, как к власти пришел Гитлер. Огромные цеха протянулись на километры, и каждый из них был надежно укрыт высокими соснами; как видно, немцы заранее готовились к тому времени, когда им придется оберегать свое предприятие от вражеских бомбардировок, и сделали все, чтобы оно было незаметно с воздуха. Разбросанность цехов и испытательных станций, неуклонно возраставшее число заключенных на заводе усложняло эсэсовцам надзор за узниками.

Усложняло это и задачу Берестова - выведать, в каком из цехов делаются планирующие бомбы или отдельные части для этих бомб.

Спустя несколько дней, когда в лагерь прибыла очередная партия заключенных, завыла заводская сирена, и всех узников, работавших на заводе Бауэра, погнали в лес, где разведчик Берестов уже сидел в специальном укрытии. Чтобы дебет сошелся с кредитом, ему нужно было устроить побег заключенному из числа вновь прибывших. Для него была вырыта в лощине узкая траншея. Берестов завалил беглеца мхом, сказав, что ночью его вызволят отсюда партизаны. Узник сооб-

щил Берестову, что его зовут Нилом Савостиным, что он работал слесарем-водопроводчиком на теплоцентрали, отправлен в лагерь за саботаж.

Теперь на эту фамилию должен был откликаться Берестов.

Новую партию заключенных привезли в лагерь чуть ли не донага раздетыми, в открытых угольных вагонах. Они почти ничего не ели целых десять дней. В транспорте было много стариков, женщин и детей. Некоторые из них не могли двигаться. Товарищи их несли на руках.

Появление больных в лагере вызвало панику. Дело в том, что среди них всегда находились вконец обессилевшие, не-пригодные к работе. Их отправляли в специальный блок для отравления газом и сжигали. Одновременно умерщвлялись и лагерные больные.

Если кремационных печей оказывалось недостаточно, эсэсовцы заставляли заключенных вырывать рвы, разжигали в них костры, а потом обливали трупы керосином и бросали в рвы. Острый и едкий запах горелого мяса распространялся по всему лагерю, а ночью на небе от огня чудовищных костров плясали багряные сполохи. Чистки подобного рода происходили в лагере и осенью, чтобы не оставлять на зиму тех, кто болел или был истощен сверх меры и не мог работать.

Среди обреченных на гибель из новой партии заключенных оказался имперский немец Макс Зигель, с которым Берестов вскоре нашел общий язык. Этому помог случай: Зигель тоже был очень слаб, едва держался на ногах. Его включили в группу бесполезных, которая направлялась в газовую установку, оборудованную под банное помещение. Берестову каким-то чудом удалось отвлечь внимание конвоира, сопровождавшего предназначенных к смерти (за это "чудо" он получил прикладом по спине и "потерял" сознание, рухнул под ноги ударившему его эсэсовцу). Воспользовавшись заминкой на сортировочном пункте, несколько больных успели перейти из группы обреченных к тем, кого оставили жить. В их числе оказался и Зигель.

Немец понял цель отвлекающего маневра, понял "обмороk" "русского узника" и при первой же возможности загово-

рил с ним об этом, выразил от себя и других спасшихся благодарность.

- Мы вам обязаны тем, что еще живы, - сказал он по-русски, - и хотели бы как-то отблагодарить за это...

То, что Зигель знал русский язык, было для разведчика большой радостью.

Вскоре Берестов узнал, что свое детство Макс провел в России, где отец был экономом у русского помещика, и там научился русскому языку.

А до своего заключения Зигель работал наладчиком станков в одном из заводов Сименс-Шуккарт, в Нюрнберге, где изготавливались взрыватели для гранат, предназначенных для вермахта.

Зигель не был коммунистом, но и взглядов сторонников фашистской диктатуры не разделял. Когда в мае 1933 года нацистское правительство предприняло акции по подавлению профсоюзов и создало так называемый германский трудовой фронт (ДАФ), Зигель отказался от вступления в ДАФ, за что был взят под стражу и жестоко избит. Ему сломали ногу, и с тех пор Зигель прихрамывал. Для себя он решил твердо - вредить нацистскому режиму, по мере возможности.

Часто Зигель налаживал станки неправильно, изготовленные на них взрыватели браковали. Это снижало производительность труда становочников, сокращало их заработок. На Зигеля пожаловались. Его арестовали как врага Третьей империи и отправили в концентрационный лагерь, где оказался Берестов.

Берестову навсегда врезалось в память то, что он увидел и с чем столкнулся за колючей проволокой.

Однотипные приземистые бараки стояли впритык друг к другу. И вокруг ни единого деревца. По углам гладкой, как поверхность стола, площадки, огороженной несколькими рядами колючей проволоки, возвышались сторожевые башни с пулеметами. Вдалеке виднелись огромные трубы. Из них валил густой черный дым. Пахло ужасающим тошнотворным смрадом. Надсадно лаяли овчарки.

После того как пожитки узников были оставлены на огромной площади, где стояла перекладина и на ней висел, раскачиваясь на ветру, голый труп со следами истязаний, прибывших в лагерь направили в дезинфекционную камеру. Здесь всем стали брить головы и каждому вытатуировали на левой руке порядковый номер.

- Теперь у вас нет ни фамилии, ни имени, - сказал узникам со зловещим спокойствием человек в белом халате со следами крови на рукавах. Его лицо с восковым оттенком было похоже на маску. В нем поражало все: непомерно высокий узкий лоб без единой морщинки, наклонная линия которого составляла общую прямую с носом, холодная птичья неподвижность глаз, непропорционально маленький, просто крохотный рот с розовыми, будто подкрашенными губами - рот вурдалака, вытянутый вперед подбородок. Серо-пепельные волосы маскировали возраст.

- Отныне и впредь вы должны отзываться только на свой номер, - продолжал он, чеканя каждое слово. - Забудьте свое прошлое, ваши мысли и чувства здесь тоже не нужны. Нас могут интересовать только ваши руки. Ваша жизнь и смерть - в ваших руках.

Это и был главный врач лагеря, оберштурмфюрер СС Гейнц Бухвальд. Заключенные боялись его больше чумы. Те, кто попадал к нему на прием, не всегда возвращались. Больным пациентам он делал уколы бензином в область сердца, смерть наступала мгновенно.

Не без помощи Яна Гулы Берестова включили в бригаду немцев, которые вели испытание двигателей на стенде перед их установкой на подмоторные рамы самолетов.

Работавшие там немцы отнеслись к Берестову как к "преступнику" и "врагу государства", придирились по пустякам, то и дело кричали на него, а нередко сопровождали свою брань тумаками. Но тем не менее здесь ему довелось освоить азы немецкого языка.

Вскоре он заметил, что все упреки и обвинения в его адрес делались главным образом при эсэсмане, который был приставлен к нему и как бы являлся его тенью, словно рабочие

хотели выслужиться перед ним, завоевать его доверие. И это им удалось. Он все чаще отлучался, а то и вовсе не появлялся, всецело полагаясь на бдительность рабочих, которым Берестов помогал вести испытания, заливал масло и воду в системы двигателя, сливал то и другое после пробы и отвозил на тележке с кем-либо из рабочих в лабораторию, которая размещалась в другом помещении, рядом с административным корпусом.

Если не было эсэсовцев, испытатели вступали с ним в разговор, называя Нилом, а иногда украдкой совали ему в руки кусочек хлеба или вареную картофелину. Старый механик испытательной станции Феликс Шнеллер признался, что они опасаются провокации. В соседнем цехе был случай, когда рабочие доверились узнику из числа уголовников, рассказали об элементах саботажа в своей работе, а он выдал этих рабочих начальству, после чего их тоже отправили в концлагерь. У Шнеллера была большая семья, он потерял на фронте двух старших сыновей. К новому порядку относился с недоверием и ждал перемен.

Появление разведчика на авиационном заводе совпало с расширением производства истребителей. Люфтваaffe вынуждены были переключить свое внимание на тактические задачи и организацию противовоздушной обороны в своем тылу.

Рабочие испытательной станции из вольнонаемных не успевали выполнять задания, просили у начальства подмогу.

Берестов посоветовал Шнеллеру взять на испытательную станцию Макса Зигеля, что было важно при общении с русскими во время работы.

И скоро Макс Зигель стал трудиться рука об руку с разведчиком. Берестов, конечно, не говорил ему о том, что был летчиком, а теперь по заданию руководства партизанского отряда выясняет, какую продукцию выпускает завод, но своего отношения к фашистскому режиму тоже не скрывал. Однажды Берестов сказал Зигелю, что было бы неплохо, если бы тот взял на себя роль человека, раскаивающегося в своих действиях против рейха, готового искупить вину честным и усердным трудом.

- Надо, чтобы тебе больше доверяли.

Зигель не задавал лишних вопросов и, как ни трудно ему было, стал активно демонстрировать свои верноподданнические чувства начальству, и его вскоре стали использовать в качестве переводчика. Таким образом, он получил возможность общаться с русскими из других цехов. Вечерами Зигель рассказывал Берестову о вырабатываемой там продукции, о настроении людей.

На заводе Берестов впервые увидел директора предприятия Ганса фон Бауэра, вылезавшего из подкатившей машины. Он был выше среднего роста. Пухлое, несколько помятое лицо; светлые выпуклые глаза, тонкий, как лезвие штыка, нос с горбинкой у бровей, нависавших над глазами карнизом; пушистые, словно приклеенные усы, дорогой и модный костюм, жилет с антрацитовым блеском, лакированные туфли, яркий галстук с брильянтом делали его похожим на продюсера, который задался целью произвести впечатление.

Вслед за ним из лимузина вышла источая аромат терпких духов высокая, с большим бюстом, дама в облегающем платье. Берестову показалось, что это платье довольно замысловатого фасона, отделанное кружевами, сейчас непременно лопнет, и из образовавшейся прорехи выползут ее тестообразные телеса. На ее гладком, точно навощенном лице, был обильно наложен грим.

Директор подал ей согнутую в локте руку; другая рука, затянутая в кожаную перчатку, висела плетьью, словно перебитая, отчего одно плечоказалось выше (позже Берестов узнал, что у него протез). Дама - это была жена директора, и ее на заводе звали "надзирательницей", шла прямо, по-солдатски развернув плечи, и было слышно, как ее шарообразные бедра трутся о подол платья. Заключенные, копавшие у административного корпуса яму для какой-то проводки, подняли головы, а эсэсовец отдал директору честь. Патронесса остановилась, и злые кошачьи глаза ее запрыгали по лицам узников. Она что-то сказала эсэсовцу, тот заорал на заключенных:

- Шнел, шнел, русские свиньи!

Потом Берестов частенько видел директора и в других корпусах завода, и на испытательной станции. И почти всегда его сопровождала "надзирательница". Она всюду совала свой нос, и ее боялись даже эсэсовцы. И где появлялся директор, там слышалось это "Шнел! Шнел!", выкрикиваемое надсмотрщиками.

Берестов видел, как жена директора отчитывала вольнонаемного за то, что тот дал закурить заключенному. Разведчику стало известно это она придумала надпись на воротах филиала концлагеря: "Горе побежденным!".

Выполняя ту или иную работу, Берестов приглядывался к обстановке, к тому, что, как и кем делалось на заводе, пытаясь завязать знакомства с нужными людьми, в первую очередь, конечно, с рабочими. Это было нелегко, потому что он тогда еще недостаточно хорошо знал немецкий язык, а на заводе к тому же работали кроме немцев и французы, и поляки, и венгры, и чехи. Все они были арестованы гестапо за те или иные проступки перед рейхом.

Однажды Зигеля вызвали в администрацию и велели побрать несколько людей для работы в родовом замке фон Бауэров. Туда была привезена в разобранном виде с нашей территории, оккупированной немцами, русская деревянная баня. Ее требовалось поставить на отведенное место возле пруда. Зачем понадобилась Бауэрам бревенчатая баня, имелась ли тут какая-то цель или это было блажью пресыщенным богатством фашиста?

- Поедешь? - спросил Берестова Зигель.

Заключенным и раньше приходилось работать во дворце владетельного рода и поездка туда, безусловно, представляла далеко не праздный интерес. Она позволяла выйти за пределы лагеря, что само по себе уже было заманчиво, а в данном случае посещение этой цитадели могло оказаться полезным во многих отношениях.

Специально Берестов не обучался плотницкому делу, но топором поработать пришлось на лесозаготовках. Да и в душинской мастерской были столярные инструменты, и ему

приходилось заниматься кое-какими поделками для дома. К тому же лагерное начальство знало Берестова как слесаря-водопроводчика с теплоцентрали. А без водопровода в бане трудно было бы обойтись. Короче, он дал согласие.

- Кого еще возьмем, Нил? - спросил Зигель. (В лагере Берестов для всех был Нилом Савостиным).

- Надо, чтобы были специалисты своего дела. Но это не все...

- Одного специалиста включил комендант лагеря, - перебил Зигель.

- Кого же?

- Плотника Григория Куркова. Он у него виллу перестраивал.

- А отказаться от него нельзя?

- Комендант Блюм рекомендовал его как хорошего мастера.

- Ладно, черт с ним, - сказал Берестов. - Выше себя не прыгнешь. Будем осторожны.

- У меня тоже есть на примете один, - сказал Зигель. - Мы на пересылке познакомились. Ненавидит фашистов люто и здесь за саботаж отбывал наказание в блоке.

- Кто это?

- Жорж Руа, француз, в прошлом штурман ночного бомбардировщика. Родился на юге Франции. Из крестьянской семьи. Участвовал в движении Сопротивления. Отец его невесты, преусспевающий делец, впоследствии коллаборационист, не хотел, чтобы у него был такой зять и, когда Францию заняли фашисты, донес на Руа гитлеровцам, с которыми стал сотрудничать. Жоржа схватили, но при пересылке ему удалось бежать, он сражался с немцами в составе английской бомбардировочной авиации... Человек сообразительный, с выдумкой, знает русский язык. До поступления в военную школу ему пришлось работать каменотесом.

- Это хорошо. Фундамент у бани должен быть? Должен! Печь тоже, - сказал Берестов, обрадовавшись тому, что представляется случай поближе познакомиться со своим собратом по оружию. Он мог оказаться полезным.

Заключенные перебрали еще несколько знакомых, поговорили с ними. Все они были обучены плотницкому делу и не вызывали подозрений.

Прежде чем Максу отнести список в лагерную комендатуру на утверждение, Берестов связался с Яном Гулой из подпольного штаба Сопротивления и рассказал ему о предстоящей поездке в родовое имение директора.

- Очень кстати, - сказал тот. - Надо взять еще одного человека. Он в ревире (*) и включен в список на отправку в лагерь уничтожения. Фамилия Сундуков, а зовут все дядей Васей. Прекрасный человек. И мастер на все руки. Это самородок, которого нужно уберечь от "черного транспорта".

В комендатуре список сократили до пяти человек, и Максу Зигелю пришлось пустить в ход все красноречие, чтобы убедить коменданта Блюма, что без дяди Васи и Жоржа Руа баюню просто невозможно построить. Там же, благодаря писарю, выяснилась одна деталь, о которой даже говорить страшно. Дяди Васиной смерти ждала жена высокопоставленного эсэсовца. Дело в том, что когда-то дядя Вася был моряком, и по молодости лет, а также по существовавшим в матросской среде традициям, выколол на груди огромный парусник. Татуировка привлекла внимание эсэсовки. Она возжелала иметь в доме вошедшую у гестаповцев в моду (с легкой руки супруги коменданта Бухенвальдского лагеря Эльзы Кох) абажур из татуированной человеческой кожи, пообещала Блюму солидное вознаграждение. Спасло, а вернее отсрочило смерть дяди Васи только то, что за строительство русской бани Блюму было обещано гораздо большее вознаграждение. Он хотел убить двух зайцев.

Поздно вечером Берестов снова встретился с Яном Гулой.

- У меня к вам вот какая просьба, - сказал тот. - Попытайтесь составить представление об усадьбе и самом замке Бауэрзов. Это может пригодиться в самое близкайшее время.

Берестов посмотрел на него с недоумением.

- Лучшего убежища для тех, кто в один прекрасный момент очутится уже не за колючей проволокой, может не оказаться, -

- То ли еще будет, - почти не разжимая морда, произнес Берестов.

(*) Ревир - лазарет

пояснил тот свою мысль. - На время, конечно, пока ищёйки шарят вокруг. Кто посмеет заглянуть во владения барона Бауэра? – И он тихо засмеялся, но тут же закашлялся. Его мучила астма. - К тому же, - докончил он, - это имение расположено у самой границы с другим государством.

И вот рано утром, сразу же после переклички, узников - пятерых голодных человек - посадили в машину, щелкнул засов снаружи фургона - и шофер запустил мотор.

Эту машину в концлагере прозвали "душегубкой", потому что она когда-то использовалась для отравления газами заключенных, но оказалась непроизводительной, теперь для этого применялись вместительные помещения.

В фургоне, стены, потолок и пол которого были свидетелями ужасных стенаний узников, пахло карболкой. Кроме Берестова в нем были Макс Зигель, Жорж Руа, дядя Вася и единственный Курков. В дяде Васе летчик сразу узнал того самого человека, которому эсэсовцы проломили череп во время лагерной переклички за то, что тот попытался присесть на корточки, так как ноги не держали его. Сейчас он сидел в углу фургона. Его лысоватая голова с грязной повязкой дергалась при каждом рывке машины.

С узниками находились два конвоира - эсэсмана. Один - молодой, толстый и мордастый (сидел у дверей) - и то и дело зевал, и от него несло винным перегаром. Из нагрудного кармана френча торчала губная гармошка. То ли по своей славоохотливости, то ли чтобы не заснуть, он все приставал с разговорами ко второму конвоиру с острым старушечьим лицом - молчаливому и угрюмому. И взгляд у него был странный, подернутый мутной пеленой. И сквозь эту муть проглядывало полное безразличие; казалось, в глазах его ничего бы не изменилось, если бы вдруг все испарились. Про себя узники стали называть одного эсэсмана Болтуном, а другого Молчуном. Они понимали, что убежать из этой закрытой железной коробки, мчавшейся на огромной скорости, невозможно, и сидели спокойно в разных углах фургона, скинув ранцы и положив на колени автоматы.

Не добившись расположения напарника, Болтун захрапел, уронив голову на пухлую грудь.

Берестов сидел у заделанного ржавой решеткой оконца и смотрел на свет божий, стараясь сфотографировать глазами все, что попадалось на пути.

...Кончился низинный болотистый лес, в глубоких дебрях которого среди коварных трясин находилось временное пристанище советской разведгруппы, откуда партизаны, пользуясь тайными тропами, делали по ночам вылазки пункты, следили за передвижением войск и боевой техники по железной дороге, автострадам, за постройкой военных укреплений вдоль границы, за действиями жандармерии и карательных отрядов... Обо всем увиденном и услышанном передавали по радио командиру партизанского отряда.

Однако никогда еще Берестову не приходилось смотреть на то, что сейчас проносилось за окном забранного решеткой оконца, без утайки. Столбов высоковольтной передачи и заводских труб здесь было натыкано вокруг, как зубов во рту. Правда, и дальше встречались лесочки и лужаечки, но они уже казались какими-то неестественными, словно их привезли сюда и поместили среди каменных и железных нагромождений. На многих постройках виднелись следы пожаров и разрушений - это поработала авиация воюющих с немцами государств. Завалы разбирали худые, с впалыми щеками, бритоголовые солдаты в выцветшей форме - штрафники. На поясах у них болтались пустые жестяные манерки. Среди тотальников можно было увидеть и стариков, и детей. Все они в чем-то провинились перед фюрером, возможно, отказались стрелять в безоружных пленных партизан или таких же, как сами, стариков и детей, и теперь отбывали наказание. Возле них флантировали часовые с автоматами.

Узникам хорошо было известно, если разрушен завод - значит, советские летчики постарались. А если жилые постройки - американцы или англичане. Они чаще бомбили населенные пункты и обходили стороной предприятия, словно для себя берегли.

- То ли еще будет, - почти не разжимая губ, сказал Курков, кивнув на руины.

Нужно было бы отдать должное немецким дорогам, широким, просторным и гладким, но их строили для военных целей, для переброски военной техники и живой силы. По ним можно было мчаться в несколько рядов на огромной скорости. И узников везли так быстро, что они едва успевали читать на придорожных фанерных щитах призывы, обещания, предостережения и угрозы: "Пst! Враг подслушивает!", "Победа или Сибирь!", "Умрем за фюрера!". А навстречу им попадались тупорылые военные грузовики с газогенераторными колонками у кабин - с бензином у немцев стало плохо; да и опасно было теперь пускать днем мощные машины - неровен час, налетят самолеты, и останутся от них "рожки да ножки". Все сильнее жалили стальные шмели, все больше их становилось в воздухе. И только дважды машина замедлила ход. В одном месте ремонтировали дорогу. Узники в полосатых одеждах засыпали воронки от бомб. В другом месте повстречались "беженцы". Их угоняли с освобожденной советскими войсками территории в глубь Германии. Конвоиры были низкорослые юнцы с глазами фанатиков. Неужели для этого родились и росли они, думал Берестов. И эти глубокие ямы в асфальтном полотне, и эта вереница напуганных людей, которых выгнали из домов, наводили его на мысль о приближающейся гибели фашизма.

Советский летчик невольно вспомнил, как наши войска отходили в сорок первом под натиском стальных армад в глубь своей страны, как маленькие, горбатые, дико ревущие штурмовики носились над землей, расстреливая на дорогах мирное население. Не все тогда верили в то, что и на нашей улице будет праздник. Теперь отступали немцы, а в небе господствовали советские, английские и американские самолеты.

Поездка длилась часа два, а, может, и около трех, прежде чем машина свернула на тихую опрятную дорогу с подстриженными деревцами по бокам. Теперь то и дело попадались красивые утопавшие в зелени садов особняки с островерхими черепичными крышами, огороженные решеткой из литого чугуна, а затем начался самый настоящий лес. Ветки били по крыше и бокам кузова, под колесами шуршала галька.

Потом потянулись пустыри, дорога завернула в горы и пошла петлять вокруг вершин. Узников бросало то в одну сторону, то в другую, эсэсманы чертыхались.

"Ну и mestечко выбрали для своей вотчины Бауэры", - думал Берестов, глядя на серые разрушенные временем горы. Подальше от любопытных глаз, от разговоров. Только черные орлы могли быть свидетелями того, что творилось в замке.

Наконец машина остановилась, хлопнула дверца кабины, послышались удалявшиеся шаги - вероятно, сидевший в кабине эсэсовец пошел доложить о приезде.

И вот уже донесся говор, а потом заскрипели ворота, высокие, с бронзовыми загогулинами, с острыми железными штырями, глядевшими в небо, словно зубы акулы.

У ворот стоял приземистый, почти квадратный крепыш с красным простодушным лицом и роскошными белыми бакенами. Маленькие глазки прятались под нависшими бровями.

- Камрад с двумя бородами, - хмыкнул Жорж Руа.

Снова хлопнула дверца, и машина, глухо урча, еще долго катилась дальше, а "камрад" шел сбоку, попыхивая трубкой. Он припадал на обе ноги, словно ему тяжело было нести свое грузное тело.

- Народ без территории, - снова подал голос Курков, прикнув к оконцу. "Народ без территории". Опираясь на этот тезис, фашистские идеологи рассматривали захватнические войны как неизбежную закономерность.

Берестов снова покосился на Куркова, пытаясь понять, что скрывается за его репликой. Но лицо этого человека ничего не выражало. И слова он произносил, почти не разжимая рта. Не каждый мог так говорить.

На плоских, с синеватым оттенком, губах узника застыла вкрадчивая улыбка. Нет, внешне он не был похож на человека "с воли". Лицо землистое, глаза и щеки ввалились, а на высоком лбу возле висков змеились склеротические жилки. Только руки его настораживали: костистые, с длинными квадратными пальцами, увенчанные обломанными ногтями, и вместе с тем какие-то благородные, даже изящные, знакомые

с тонкой работой. Они слегка дрожали, точно его знобило. Нет, не похож он был на плотника.

В конце пруда был оборудован небольшой пляж. Среди золотистого песка стояла высокая тумба. А на ней фигура изготавливавшейся к прыжку в воду женщины, весьма привлекательная по своим формам, но далекая от канонов классической красоты. В этой острогрудой женщине из мрамора, с тонкой талией и округлыми бедрами, был воплощен какой-то конкретный образ. Об этом говорили и мальчишеская прическа, и удлиненное лицо, в котором было что-то надменное, и нелепый, похожий на лопух, фильтровый листок.

- Так борются с эротикой эротоманы, - снова животным голосом проговорил Курков, - моралисты с повадками сластолюбцев.

Машина остановилась возле красивого, похожего на средневековый замок, здания из серого камня. Вверху оно венчалось зубчатой стеной с прорезями, какие можно встретить на крепостных стенах. А над ней трепыхался на ветру, глядя на приехавших белым круглым бельмом с фашистским паучьим знаком вместо зрачка, светло-красный лейкоцитозный флаг.

На улице не было ни души. Узники молча рассматривали диковинное темное здание с зубчатыми стенами и узкими окнами с каменной резьбой. В центре замка виднелась стрельчатая ниша в виде портала, выше которой был установлен родовой герб: скрещенные меч и факел. Под ним угловатым латинским шрифтом начертан девиз: "Огнем и мечом". Внутри ниши-портала, на защищенной с боков задней стене находились три высоких окна с витражами, а под ними узкие и непомерно высокие массивные двери. Ниша опиралась на поднятое кверху открытое крыльцо с примыкавшими с боков широкими полукруглыми лестницами с ажурными каменными перилами, увенчанными башенками. На нижних стояли щербатые чаши с карбидными светильниками внутри, а на верхних были установлены бронзовые орлы, держащие в лапах фашистские знаки.

Готика - чисто германский стиль, непривычный для глаза диковинный архитектурный ансамбль.

Загремел железный засов на фургоне машины, и дверь распахнулась. Узники почувствовали пьянящий запах зелени и цветов, от которого у них закружилась голова.

- Вэ! Шнел, шнел, - послышалась стегающая речь стоявшего у дверей "душегубки" эсэсовца.

В отличие от Болтуна и Молчуна этот поджарый белобрюхий эсэсовец с парабеллумом на животе был сплетен из другого теста. Это легко определялось и по его отутюженному мундиру, и по его гладковыбитому лицу, и по манерам, и по оружию. Эсэсовца можно было бы назвать красивым, если бы он не морщился, обнажая редкие, выступающие вперед, зубы. Он смотрел сквозь квадратные стеклышки очков без оправы. Жорж Руа окрестил этого типа Парабеллумом.

Узники стали выпрыгивать в проем задней двери. У дяди Васи подвернулась нога, и он упал, ткнувшись лицом в песок. Обершарфюрер пнул его в бок до блеска начищенным сапогом, показывая стеклом с ременной петлей на конце, чтобы узник немедленно поднялся. И тот встал, опираясь на руки подоспевшего Куркова.

Еще в дороге Курков, улучив момент, вдруг шепнул Берестову.

- Вы не бойтесь. Я свой, - и это его еще больше насторожило.

- Я и не думаю бояться, - ответил летчик не очень уверенно, потому что Курков сказал:

- Думаете. Я ведь не сегодня родился. Извините, конечно, - голос у него был приглушенный, интеллигентский.

Больше он дорогой с Берестовым не разговаривал, и летчик с ним тоже, но взгляды их несколько раз встречались.

Дядя Вася стоял перед гитлеровцем в неестественной позе, чуть откинувшись назад. На иссохшем, изъеденном морщинами лице с прилипшими к подбородку песчинками была смертельная усталость.

Между тем машина уехала, обдав узников теплой волной удушливого газа. Мотор работал на низкосортном бензине.

Узники построились, как им было приказано, лицом к замку. А чуть позади, расставив ноги в коротких сапогах, стояли эсэсовцы.

И было так же тихо, как бывает утром вдали от города, в лесу, на поляне у речки. И эту тишину нарушало только беспечное щебетанье птиц и монотонное журчанье воды, которая низвергалась из пасти крылатого сфинкса, установленного в круглой нише под крыльцом. Вода выливалась в чашу из белого мрамора, и там, в этой чаше, плавали солнные рыбы. Дядя Вася слегка покачивался на тонких, как ходули, ногах, облизывая пересохшие губы. С каким бы удовольствием каждый из узников тогда приник к каменному чудищу и утолил свою жажду.

Наверху за глухими стенами послышалось отдаленное звучание фанфар - по радио транслировали передачу с Восточного фронта. О чем говорил диктор, узники не могли разобрать, но его слова кому-то не понравились. Бормотанье неожиданно оборвалось. И снова наступила тишина. Прошло несколько минут, прежде чем центральная дверь распахнулась и на крыльцо вышел огромный, как жеребенок, серый дог с маленькими злыми кровянистыми глазами и толстой шеей. Собака понюхала воздух вокруг себя, повела обрезанными ушами и тявкнула, словно выкрикнула "хайль!", а затем высунула язык и повернула голову назад к дверям, откуда уже знакомый узникам человек с бакенбардами выкатывал на крыльцо коляску.

Слушая рассказ Орлова, я зряко представил вцепившегося пальцами в бархатный подлокотник коляски, громадного, с негнущимся торсом, старика. Серый мундир офицера времен рейхсвера туго обтягивал его упитанное тело. При каждом вдохе старика живот вздымался кверху, а при каждом выходе оседал. У старика были остриженные ежиком рыжевато-пепельные волосы, круглые, чуть навыкате, глаза с бесцветными водянистыми зрачками, тонкий хрящеватый нос, под которым топорщились в стороны изрядно нафабренные пикиусы. Старик вдавил в глаз монокль и стал пристально оглядывать узников.

Берестов пытался вспомнить, где видел раньше этого замшелого монарха, но так и не вспомнил, пока тот не начал говорить. Стоило ему произнести несколько слов, в которых звук "р" гремел, словно гром, а гласные растягивались, будто

молнии от неба до земли, как ему сразу стало все ясно. Этого старика, похожего на огромного и нахального рыжего таракана, Берестов не видел, но он знал его отпринка, в котором тоже было что-то тараканье - Ганса фон Бауэра, генерально-го директора авиационного завода. Очевидно, что они гордились своим гортанным восточно-прусским акцентом, - ведь это говорило, что в их жилах течет кровь прусских баронов. Правда, старики вынужден был то и дело переводить дыхание, что, безусловно, снижало впечатление, а его отпринк пытался внести в свою речь и нечто новое - тот австрийский отпечаток, которым была отмечена речь Гитлера.

Старик говорил (а Макс Зигель переводил), что узников привезли сюда, чтобы они построили русскую баню. Баня должна отвечать всем требованиям, которые к такого рода помещениям предъявляют славяне. Она должна быть теплой и уютной, а главное, должна "изгонять" из тела катары дыхательных путей, бронхиты, лечить нервно-мышечную систему и другие недуги.

"Так вот где зарыта собака, - подумал Берестов. - Старый хрыч надеется, что русская баня поднимет его с кресла, к которому он, поди, уже присох. О, тогда бы он развернулся еще".

- Могу держать пари, что знаю, о чем вы думаете, - сказал мне Орлов.

- О чем же?
- О старом бароне, хозяине замка.
- Да вы телепат!
- Ничуть. Просто вы очень впечатлительный человек. У вас на лице такая презрительная мина.
- Еще бы. Так бы и раздавил этого старого таракана.

- О клане Бауэр, владевших этим замком, партизаны кое-что узнали, - продолжал Орлов. - Хотите получить от меня информацию с некоторыми комментариями?

- Конечно.
- Этот самый барон Манфред фон Баэр, представьте себе, был некогда известным летчиком, служил в кайзеровской авиации. В составе бомбардировочной эскадры, укомплекто-

ванной многомоторными "Гота", он в семнадцатом совершил налеты на Лондон.

Когда кайзеровская Германия проиграла войну и был заключен Версальский мирный договор, барон оказался где-то на задворках военной машины, еще недавно державшей в страхе всю Европу.

Мог ли он, потомок божественной династии Гогенцоллернов, к которой Пруссия "огнем и мечом" присоединила Германию, провозгласив Германскую империю, довольствоваться славой бывшего летчика? Он жаждал реванша. Благодаря знакомствам с влиятельными финансовыми и промышленными тузами Манфред фон Бауэр возглавил фирму по выпуску самолетов для воздушных сообщений между крупнейшими германскими городами, наладил связь с организацией "Стальной шлем", которая была создана для сбора средств на борьбу с революционным движением в Германии. Такие недобитки, как Манфред, горячо приветствовали создание этой полувоенной шовинистической организации и по мере расширения своей фирмы увеличивали вклады.

Из истории нам известно: когда "Стальной шлем" объединился с другими нацистскими организациями, а в 1938 году влился в СА - штурмовые отряды и "Гитлерюгенд", инициатор его создания фабрикант Зельде был назначен министром труда.

В это время другой крупный фабрикант Болен Гальбах Крупп выступил с инициативой начать централизованный сбор средств в распоряжение фюрера национал-социалистской германской рабочей партии (НСДАП) под названием "Фонд Адольфа Гитлера".

Нетрудно догадаться, что фирма Манфреда фон Бауэра приветствовала и эту инициативу и немедленно приняла участие в "Фонде Адольфа Гитлера".

Манфред и ему подобные вели активную агитацию за сбор подписей под петицией руководящих промышленников и финансистов, призывающей президента фон Генденбурга доверить канцлерство Гитлеру. Когда Адольф Гитлер пришел к власти и авиастроение развернулось в полную мощь, старому

барону удалось подмять под себя несколько фирм и устроить производство самолетов.

В тридцать пятом, как известно, был издан указ, который "установил" существование Люфтваффе.

В кресло имперского министра авиации сел Геринг, с которым Манфред фон Бауэр был знаком лично и от которого, естественно, получил благословение перевести производство на военные рельсы. Во время испанских событий самолеты, созданные фирмой Манфреда, прошли проверку в боевой обстановке.

Далее Орлов продолжил рассказ о событиях, связанных с Берестовым.

- Эта баня должна снимать усталость, вселять хорошее настроение и повышать жизненный тонус, - изрекал старый барон.

Жорж Руа нетерпеливо переступал с ноги на ногу, уголки его рта вздрагивали от ненависти.

- И не вздумайте валять дурака, - барон погрозил длинным подагрическим пальцем. - Если баня не будет отвечать всем этим требованиям, - редкие и круглые, словно обкатанная галька, его зубы вдруг ощерились по-волчьи. - Я сотру вас в порошок. А теперь за работу. Инструменты сейчас получите, - при этих словах он посмотрел на человека с бакенбардами.

Тот кивнул и увез барона во внутренние покои замка. Сержант дож снова тявкнул в сторону узников собачье "хайль!" и удалился за стариком.

Когда балконная дверь закрылась, узники переглянулись и каждый думал об одном и том же: если бы сейчас в руки оружие. Берестов слышал, как Жорж скрипнул зубами. Но у них ничего не было, кроме ненависти к врагу и пустых желудков.

Спустя несколько минут после того как Манфред фон Бауэр удалился в мрачные покои замка, из-за угла вышел все так же, припадая на обе ноги, человек с бакенбардами, махнул узникам рукой. Эсэсовцы приказали следовать за ним, и сами шли двое по бокам и один сзади. Барон вышел из здания, чтобы полежать на разостланной на каменном подиуме вприсяд

Папаша (так узники стали про себя называть человека с бакенбардами) подвел их к низкой железной двери, которая находилась с боковой стороны здания, и пригласил внутрь.

По каменным ступенькам они спустились в сумрачное полуподвальное помещение со сводчатым каменным потолком. В стенах метровой толщины виднелись маленькие узкие оконечки с вмурованными в камень решетками. Пахло углем, старыми дровами и вековой пылью.

Когда глаза узников привыкли к полумраку, перед ними словно из небытия выплыла огромная печь, а вернее, топка с чугунными створками. Она была связана с калориферной системой дома, которая обогревала его в холодное время.

Приведя сюда узников, Папаша ушел. Молчун закурил, пахнуло кисловатым дымком, Жорж и Макс незаметно приблизились к нему, чтобы подышать табачным дымом. Гитлеровец не успел еще выкурить и сигареты, когда Папаша вернулся с кастрюлей, от которой аппетитно пахло вареной картошкой. А за пазухой у него торчала буханка хлеба. Настоящая буханка, а не твердый, как кирпич, брусков в станиоле, который можно было перепутать с прессованными опилками. Такие бруски консервированного эрзац-хлеба заключенные получали в лагере. Кастрюлю он оставил на оказавшемся у стены ларе, на котором стояли высокие глиняные кружки, и пригласил узников подойти к нему, достал из кармана тяжелые оловянные ложки.

- А вас, господа, обед ждет наверху, - сказал Папаша эсэсовцам и сунул одному из них огромный, похожий на станичный пистолет, ключ. - Отсюда не убежишь, - добавил в ответ на недоверчивый взгляд Парабеллума, - разве если превратишься в мышь, - на его мясистом лице мелькнула ехидно простодушная улыбка. Болтун, не мешкая, заковылял к выходу, но Парабеллум окликнул его и что-то сказал со злобой в голосе.

Эсэсовцы обошли подвал, потрогали решетки в окнах, хотя нужды в этом не было, потому что окна оказались настолько узкими, что в них нельзя было пролезть, заглянули в топку печи и в дымоход.

Когда узники остались одни, Жорж сказал, открывая крышку кастрюли:

- А этот мосье с двумя бородами мне положительно нравится. Интересно, есть ли в доме еще кто-нибудь, кроме него и паршивого паралитика?

- Сие нас не касается, - строго сказал Берестов, толкая его в ногу, чтобы попридержал язык, рядом был неизвестный им Курков. - Или тебя наше общество не устраивает?

- Честно говоря, не совсем. - Обжигая пальцы, Жорж очистил картофелину и целиком сунул в рот, переворачивая ее языком; он закинул кверху голову и прищурился от удовольствия, проглотив ее, потянулся за другой, - я бы предпочел сейчас оказаться здесь со своей Аннет.

- Ишь ты, о чем заговорил после картошки-то, - усмехнулся Берестов невольно, подумав об Алисе. Где-то она сейчас?

Невольники грустно усмехнулись.

- Ах, если бы вы видели, какая она, моя Аннет, - продолжал Жорж. - Не чета этой мраморной купальщице с фиговым листком между ног. Волосы Аннет похожи на серебристые струи воды. Иногда мне казалось, что на голове у нее фонтан. Она ходила в темном берете с козырьком, а за ней по пятам тянулись ватаги парней. Я боялся, что ее у меня украдут, и не успокоился, пока мы не помолвились. Мы жили втайне от ее родителей. Ах, какая это была сладкая жизнь, - он задумался.

Дядя Вася промолвил:

- А у меня внучка уже заневестилась поди, Верочка. Бедовая была девчонка, - морщинистое лицо его тронула похожая на судорогу улыбка. Так улыбаются обреченные, смертельно уставшие и безнадежно больные люди. - Бедовая... И не увижу уж ее. Никогда не увижу. - У старика задергался подбородок, и он потер его кулаком, отошел от стола, пошатываясь.

Макс Зигель вспомнил свою жену и детей.

Узники говорили на одном языке, но акцент у каждого был свой, родной: русский, французский, немецкий, и это давало им возможность хоть в какой-то мере чувствовать себя здесь, вдали от родины, гражданами своей страны.

Обед у эсэсовцев затянулся. Заключенные даже успели полежать на разостланной на каменном полу соломе, прежде

чем фашисты загремели ключом в двери. Лица у всех троих раскраснелись и залоснились, видно, харч у барона был не чета тому, что выдавали эсэсманам после того, как велико-германское отечество стало лишаться завоеванных территорий (от резиновой колбасы и искусственного меда не залоснишься). А здесь судя по всему не обошлось и без шнапса. Болтуна словно живой водой окропили. Он терся спиной о косык, шевеля обвислыми плечами, и чесал языком что-то про картины, которые висели в столовой у барона, а еще точнее - про женщин на картинах.

- Вместо этого гуся с длинной шеей я бы изобразил белокурую бестию-арийца, - говорил он о картине Леонардо да Винчи "Леда и лебедь", вернее, копии висевшего в кабинете произведения, не зная, что это любимая картина фюрера.

Узникам приказали выйти на улицу, и Папаша подвел всех к боковой аллее парка.

Здесь лежали бревна, штабеля кирпичей, мешки с цементом, оцинкованное железо, закопченный чугунный котел, носилки, ведра, лопаты. В землю были забиты четыре колы, и между ними натянута бечевка.

- Здесь должна стоять баня, - сказал Папаша. - Если что потребуется - говорите.

Узники посмотрели на дядя Васю, которого с молчаливого согласия стали считать бригадиром. Он обошел вокруг сваленных в груду материалов, нагнувшись, колупнул ногтем тороц бревна, любовно погладил его, не без труда приподнял толстую тесину от пола.

- Липка, - наконец сказал он, улыбнувшись, как улыбаются, увидев знакомую вещь, которую, казалось бы, уже безвозвратно потеряли. - Хорошее дерево для бани. Пористое, влагу собирает. Тот строитель знал толк, знал, - и дядя Вася вздохнул.

Может, он подумал в ту минуту об этом неизвестном узнику строителе, каком-нибудь простом сельском труженике, который сооружал эту замечательную баню на своем приусадебном участке, где-нибудь за огородом, неподалеку от воды, а потом, закончив трудовую неделю, пользовался этой баней,

ожаживая себя животворным березовым веником. И выходил из нее обновленный, полный энергии.

Кирпичи дядя Вася тоже внимательно оглядел, потер в руках цемент.

- Все вроде бы припасено, - сказал с усмешкой. - Но не мешало бы иметь еще ломик и кирку.

Зигель перевел его слова. Папаша кивнул. Всем своим видом он выражал строителям свое уважение.

- Давайте кто-нибудь один со мной.

Дядя Вася вопросительно посмотрел на Берестова, и летчик пошел под конвоем Парабелума за Папашей.

Они шли вдоль забора, и Берестов, стараясь не поворачивать головы (чтобы не настораживать внимание эсэсовцев), внимательно его осмотрел. Замысловато сложенная из кирпичей стена высотой с человеческий рост, а на поверхку ажурная решетка из чугуна с такими же, как и у ворот, устрашающими пиками. Глаза разведчика подметили и такую деталь: каменные столбы, к которым крепилась решетка с боков, были опоясаны с внутренней стороны толстым медным проводом, концы которого соединялись с обеих сторон с решеткой: как видно, через решетку был пропущен электрический ток.

Берестов и его провожатые снова оказались у здания, где жил фон Бауэр, но теперь уже с тыльной стороны; здесь размещались всякие хозяйствственные службы. Берестов услышал где-то за окном, затянутым сеткой от мух, плеск воды и звяканье посуды - наверное, ее мыли.

Они спустились по крутым ступенькам в подвальное помещение, проследовали по длинному коридору с дверями по бокам. Одна была приоткрыта, и летчик увидел бочки и оплетенные прутьями бутыли, запечатанные сургучом. Вошли в низкую сводчатую комнату, где хранился инструмент, и он взял два лома, топор и кирку.

Когда они вернулись к месту строительства, узники уже разбирали бревна из штабеля: нужно собрать сруб рядом с тем местом, на котором предстояло поставить баню. Дело это оказалось нелегким: при разборке бани, где она находилась раньше, не были пронумерованы бревна, и дядя Вася вынужден был выбирать каждое на глазок.

- Удивляюсь этой немчуре, - сказал он. - Всякая мелочишка у них на учете, все сосчитано и помечено, а бревна при разборке оказалось невдомек пронумеровать.

Эсэсовцы сидели на перевернутом ящике в отдалении; видно, опасались, как бы узники не воспользовались появившимся у них инструментом для других целей. Парабеллум тоже этого боялся, и когда вел Берестова назад, уже не насыпал ему на пятки.

И потом, во время работы, строителей эсэсовцы не приближались, ходили вокруг или сидели поодаль.

- А местечко-то для банюшки барон уготовил худое, - шепнул дядя Вася Берестову и пояснил: - низинка, сырьо здесь по вечерам, туманы гуляют. А мокрый пар пользы организму не приносит. Совсем не приносит.

- То, что и надо, - подмигнул Берестов дяде Васе. Плотник пожал плечами. Но сам, как видно, был недоволен, что баню придется ставить на сырому месте. Наверное, в нем говорил мастер, который не может делать плохо.

Когда Курков отошел от сруба за новым бревном, Жорж сказал с усмешкой:

- Надо так сварганиить баню этому графу или князю, как его там, чтобы он в конечном итоге богу душу отдал. Я-то печечку сложу, чтобы в избе завсегда угар держался, слабенький, будет голову покруживать, как от шампанского. Пусть думает, что это его распаривает. А капля за каплей и камень точит.

Берестов раздумывал над словами Жоржа; на сердце у него было неспокойно. Оно бы неплохо отправить на тот свет графа, а вместе с ним и всех, кто переступит порог этой бани, думал он, да ведь граф и все другие не сегодня родились, поймут. Если на заводе, подсыпая железные опилки в маслосистемы двигателя, узники надеялись на то, что это заметят не сразу, и узнать, кто саботировал, будет нелегко, а может, и вовсе невозможно, то здесь надежд не было никаких. А ждать пощады от старого астматика - просто смешно. Он действительно могстереть узников в порошок, а что касается бани, то ее сделали бы другие, такие же, как они, узники. И кашлюн добился бы, чтобы русская баня лечила катары, бронхиты, прогоняла усталость и вселяла бодрое настроение - на то она

и русская баня. И Бауэр это знал, иначе бы ее не везли сюда из России.

Единственное, что узники могли еще позволить, это затянуть строительство, да и то не очень-то, эсэсовцы не слепые и все понимали.

То, что при разборке бани на бревнах не поставили номера, строителям могло оказаться на руку: позволяло урвать день-другой, но не больше. Однако Берестову хотелось бы подольше задерживаться в имении Бауэров. Перед ним стояла определенная задача: выведать, где производятся планирующие бомбы и другое сверхсекретное оружие. А если пребывание разведчика здесь не могло внести ясности в решение этой задачи, значит, ему следовало форсировать строительные работы.

Своими соображениями Берестов, естественно, не мог поделиться ни с дядей Васей, ни с Максом, хотя они и нашли бы их правильными и разумными.

- Плетью обуха не перешибешь, - сказал дядя Вася. - Но говоря по чести, никакая баня не поможет барону. У него, судя по кашлю, грудь худая, да и сердце не того, вон бельма-то как кровью налились. Таким банька во вред. Она и будет для него той каплей, что камень точит. Будет, будет.

И после этих слов дяди Васи у Берестова стало легче на душе. Да и Жорж вроде как приободрился. Тут снова подошел Курков с тесиной, подал ее дяде Васе.

- И то следует помнить, - сказал дядя Вася, в упор глядя на Куркова. - Наши бани с древних времен пользовались славой. И когда к нам жаловали иноземные путешественники, их неизменно вели в баню.

- А по приезде домой они рассказывали о мытье в русской бане как о чуде, - подхватил Берестов и тоже посмотрел на Куркова. - И отмечали, что любовь русских к мытью - их главная особенность.

Курков кашлянул в кулак, а затем сказал еще громче, словно издеваясь над конспиративными потугами строителей.

- О превосходстве и пользе российских бань за границей писались трактаты, и в Европе стали строить такие бани.

Узники переглянулись, а он побрел за новой доской.

- Выходит, будем стараться для фашистов, - снова усомнился в правильности решения строить баню "по всем правилам" Руа.

- Для престижа, - возразил Берестов.

- Все равно не сделаем такого дворца, в каком обретается этот паралитик.

- У каждого здания свое назначение, вестимо, - заметил дядя Вася, - и одно другого не может заменить. Поэтому и потянуло барона из хором, построенных мастерами своего дела, где каждый кирпичик, поди-ка, схвачен на растворе с яйцами - для крепости, в нашу простую бревенчатую баньку. И нужно не ударить в грязь лицом, а может, еще и утереть нос тем строителям. Непременно утереть. Говорю, что наша баня ему во вред будет.

Подошел Курков:

- Зря меня сторонитесь, - сказал он.

- С чего Вы взяли? - усмехнулся Жорж. - У нас нет секретов.

- Думаете, шпионю за вами? Напротив - хочу помочь. И мне нужна помощь, - он глядел удрученно, потерянно.

- О какой помощи речь? - спросил Берестов, стараясь казаться равнодушным. Даже зевнул.

- Я, знаете ли, художник, реставратор. А столярное дело - мое увлечение, как говорят на Западе - хобби. Начал с подрамников для холстов, а теперь могу сделать и комод.

- Интересно, - усмехнулся Жорж. - И что же?

- Не верите, вижу. Вот Менделеев в свободное время делал чемоданы. Приказчик, продававший ему материалы, даже не догадывался, что это великий химик, и рекомендовал его покупателям как чемоданных дел мастера. А я художник. Правда, самый заурядный. А столярное дело мне не дало умереть с голода во время войны. И в лагере меня знают как столяра.

- А за что угодил в лагерь-то, мил человек? - поинтересовался дядя Вася.

- Это расскажу в другой раз.

- А какая помощь нужна? - спросил Берестов.

- Теперь о помощи. Впрочем, еще несколько, так сказать, предваряющих слов. На днях я участвовал в перестройке виллы коменданта лагеря. Блюм, конечно, как и все они. Тоже хочет урвать от нового порядка. Его интересуют картины, антикварные вещицы; хотя он ничего в них не смыслит, но хорошо усвоил, что на этом можно погреть руки. Его легальная область - религиозные сюжеты, иконами тоже не брезгует.

- Иконами?

- Среди них ведь и ценные встречаются. А если говорить о нелегальной его деятельности, это приобретение картин великих художников, которые здесь считаются "противными истинно арийской душе", а создатели их - "дегенераторами", "агентами культбольшевизма"...

Когда солнце было в зените, со стороны замка раздался сухой и трескучий звук барабана, узники невольно приостановили работу. Тогда барабанный бой удивил даже эсэсовцев. Парабеллум поспешил к замку. И тут строители увидели на балконе Папашу, с виртуозной ловкостью ударявшего по барабану палочками. Звуки барабана мешались с дребезжанием двух или трех струн, которые были натянуты на одной из перепонок. Кто бы мог подумать, что в грубоватых руках этого человека с простецким крестьянским лицом столько гибкости и чутья. Его игре мог бы, наверное, позавидовать барабанщик из профессионального джазового оркестра.

Парабеллум вернулся и объявил эсэсовцам с плохо скрытой усмешкой, что это всего-навсего сигнал к обеду. Вскоре строители увидели идущего к ним Папашу с судками в руках. За ним ковыляла высокая и плоская, как доска, женщина в платье мышиного цвета с корзиной, покрытой полотенцем. Папаша объявил, что сегодня барон обедает на открытом воздухе, значит, все в доме должны принимать пищу на открытом воздухе. Таков здесь порядок. Он поставил судки перед эсэсовцами, а женщина расстелила на одном из ящиков белую скатерть и положила на нее хлеб, тарелки и ложки.

Потом Папаша и его помощница приблизились к рабочему месту узников и поставили на землю судки.

На сухом и узком лице женщины нельзя было ничего про- честь, но в ее светлых, без ресниц, глазах таились доброта и сострадание к ним. Она аккуратно раскладывала перед каждым ложки и вилки (даже вилки, которых заключенные не видели в лагере). Руки у женщины были большие, мосластые и красные, словно обваренные кипятком, - трудовые руки.

В этот день впервые за все время пребывания в лагере узники ели не бурду из подгнивших капустных листьев и свеклы, а настоящий домашний суп и еще жареную картошку с мясной подливкой. Они так были поглощены этим, что забыли даже о разговоре с Курковым, хотя он их и заинтриговал.

Собирая посуду, Папаша как бы невзначай оставил настоящую гаванскую сигару и спички, узники чуть не лишились дара речи, даже не поблагодарили его. Такие гаванские сигары курил, приезжая на завод, генеральный директор, распространяя вокруг пьянящий аромат. Стали обсуждать, как получше распорядиться сигарой, и решили выкурить ее потихоньку, чтобы не видели эсэсовцы: они могли отнять ее.

После обеда Болтун подсел к Молчуну и стал что-то рассказывать своим гнусавым голосом. Еда вызывала в эсэсмане умиротворенность, и пока брюхо его было наполнено, он пребывал в благодушном настроении. Молчун глядел перед собой невидящими подернутыми мутной пеленой глазами. А Парабеллум, наверное, страдал желудком; он икал и морщился. Его гримасы были похожи на улыбку, которая насищенно завладела его бледным интеллигентным лицом. Но то была не улыбка. Строители уже успели заметить - он никогда не улыбался и не любил, когда улыбались другие. То была озлобленность на всех и вся, и он теперь, подрыгивая ногами, похлопывая стеком по голенищам сапог, не спускал с узников жадных, спрятанных за стеклышками очков, глаз, ища, к чему бы прицепиться и выплеснуть из себя душившую его желчь. Больше всего в таких случаях доставалось Берестову. Он был самым рослым, не обделенным природой физической силой и не изнуренным лагерями. Чтобы как-то облегчить труд товарищей, разведчик выбирал для себя работу потяжелее. Это бесило безжалостного эсэсовца, и он придержался к нему по пустякам.

Когда солнце скрылось за горизонтом, до слуха строителей снова донесся барабанный бой. Сочетание сухих и трескучих звуков было иным, но они уже понимали, что сие означает.

Папаша сказал, что барон ужинает дома, и строителей повели в отведенное для ночлега место. Эсэсовцы даже не стали заходить туда, закрыли узников на замок и ушли. А может, кто-то из них и остался с наружной стороны.

Здесь, в кочегарке, строителей ждала кастрюля с кашей и буханка хлеба. А когда они, прикончив и то и другое, улеглись на солому, то почувствовали под боками какие-то бугры и неровности. Под соломой оказались яблоки, самые настоящие, огромные, с красными бокаами.

- Ай да Папаша, дай ему бог здоровья, - тихо смеялся Жорж, впиваясь зубами в пахучую желтоватую мякоть яблока. Дяде Васе тоже хотелось так сделать, но свои зубы он оставил в подвалах гестапо и вынужден был давить яблоко членом оловянной ложки и отправлять в рот кусочками.

Ян Гула успел рассказать Берестову, что дядя Вася сапер. Во время наведения моста через реку попал под бомбежку и был контужен. Товарищи думали, что он убит, и при отходе успели только вынуть из его нагрудного кармана футлярчик с домашним адресом. А он вот выжил, пытался перейти линию фронта, но был ранен. Его посчитали за возвращающегося домой разведчика, долго держали в гестапо, потом отправили в лагерь. Здесь его использовали на строительных работах. И если бараки для заключенных были хоть чуточку похожи на жилье, то этому все были обязаны дяде Васе.

Проклятая война, что она сделала с людьми, думал я, представив сумрачный подвал замка и обессиленных и изможденных узников, лежавших на пыльной соломе, пропитанной потом тех, кто работал до них в имении старого и злого астматика Манфреда фон Бауэра.

Первым в тот вечер нарушил молчание Жорж Руа. Он заговорил о том, как мальчишкой лазил со сверстниками по чужим садам за яблоками, хотя в своем были и больше, и сладче, рассказал, как дома делали яблочную водку - кальвадос, выдерживали ее годами. Потом он опять вспомнил Аннет.

- Сегодня таскал эти сухие бревнышки и задыхался от усталости, - сказал он. - Даже не верится, что однажды я пронес Аннет на руках несколько кварталов. Прошел жуткий ливень, улица превратилась в настоящее море, Аннет была в легких туфельках. Когда мы подошли к дому, мне не хотелось спускать ее на землю. Мы целовались, пока какой-то шутник не выплеснул на нас с балкона ведро воды. Мы часто вспоминали это и всегда смеялись. А теперь я бы не смог ее поднять.

Выбрав затянувшуюся паузу, Курков спросил, можно ли ему продолжить свой рассказ?

- Валяй, - сказал Руа, все еще находясь во власти своих воспоминаний.

- Я спешу с этим, чтобы вы успели все взвесить, так как меня могут скоро пригласить к барону в дом как художника-реставратора.

Слова Куркова не могли не заинтересовать строителей, хотя полного доверия к нему они еще не испытывали.

- Тебя, к барону? - изумился Жорж.

Курков стал рассказывать о коменданте лагеря и его операциях с картинами и с прочей антикварией. Блюм понимал, что ничто не вечно под луной - это его выражение; что после "пира во время чумы" придет похмелье, и спешил обогатиться. Хотел, чтобы сладкая жизнь не кончилась для него. Когда Курков с товарищами работали у него на вилле, он обращался с ними довольно сносно, лучше, чем к заключенным относились в лагере и на заводе. Строители получали пищу три раза в день. Нет, Блюм был далек от сострадания к ним, просто хотел, чтобы они платили ему той же монетой и делали свое дело, точнее, его дело, добросовестно.

Работавшие у Блюма заключенные не спешили вернуться обратно в лагерь и выискивали всякую возможность задержаться на вилле еще день-другой. Совесть их особенно не мучила, ведь их усилия были направлены не на оборону Германии. Курков вызвался реставрировать некоторые из картин и антикварных вещей, которые Блюм награбил в других странах и намеревался выгодно продать таким же, как он, подонкам, любителям старины. Работа художника дала коменданту определенный "навар", и Блюм стал относиться к нему лучше

(ему невыгодно было терять Куркова), использовал на работах, которые несколько облегчили существование реставратора, в надежде, что он еще потребуется.

Курков замолчал, словно желал, чтобы невольники могли лучше взвесить сказанное им.

- Поэтому Блюм включил тебя и в нашу бригаду? - спросил Берестов, чувствуя, что все это только присказка, а сказка впереди.

- Частично, - сказал Курков, - только частично. Комендант решил сделать меня в некотором роде своим сообщником. Нет, он не поручал следить за вами. Из этого ничего бы не вышло. Я не раз давал ему понять, как отношусь к такого рода вещам. Да ему это, пожалуй, и не нужно. Он попросил меня, именно попросил, а не приказал, чтобы я осмотрел раритеты в доме Бауэров и узнал, так сказать, применив метод дедукции, что могло бы заинтересовать барона, в чем его главная страсть.

- Как же ты проникнешь туда? - спросил Руа.

- А это уж забота Блюма, - усмехнулся Курков. - Он должен приехать сюда, может, под предлогом проверки нашей с вами работы. Блюм как бы между прочим скажет, что среди строителей бани находится заключенный, который в свое время помог ему, Блюму, в реставрации памятников христианских древностей и религиозной живописи, и который, дескать, мог бы оказаться полезным барону. Впрочем, я могу только догадываться.

Берестов был склонен поверить тому, что сказал Курков. Безусловно, он мог бы оказаться полезным разведчику хотя, как именно его можно было использовать, Берестов еще не представлял.

- Какая же помощь вам нужна? - спросил Берестов.

- Мне хотелось бы принести пользу Сопротивлению. Только не подумайте, что я гожусь в героя. Просто хочу, чтобы Сопротивление знало о сделках этих двух фашистских акул, обо всем, что услышу. Может, это пригодится. Я неплохо понимаю немецкую речь, но об этом никто не знает.

Слушая Куркова, Берестов старался понять, насколько искренен он, стремился уловить тайный смысл его слов и не мог

увидеть подвоха. Ведь сотни узников на заводе и в лагере хотели внести свою лепту в борьбу антифашистского Сопротивления и сотни принимали самое активное участие в этой борьбе. Как-то Курков сказал, что всех его родных убила война, что он считает себя в долгу перед ними. И должен отомстить виновникам.

Но тут же Берестов вспомнил рассказ механика Феликса Шнеллера о провокаторах и шпионах, которые старались затесаться в доверие к рабочим, а потом предавали их, посылая на виселицы и в печи крематория.

"Но если Курков честный человек, - убеждал себя Берестов, - то наша разведывательная группа много потеряет, не использовав его в этой ситуации". Вот когда не помешало бы разведчику посоветоваться с Орловым, с командиром партизанского отряда, с Большой землей.

У Берестова не было времени и возможностей устраивать проверку Куркову, как это делалось участниками Сопротивления в лагерях, где использовалось все, вплоть до изучения верными товарищами из завоудривания и лагерной канцелярии документов подозреваемого человека и документов тех людей, с которыми он прежде общался.

Оставалось одно - идти на риск. А игра, как думалось Берестову, стоила свеч. И тогда он сказал:

- Вот что, Курков, никто вам тут помочь не может, мы все в одинаковом положении. Поступайте, как велит совесть, - а сам тихонько толкнул его в бок: мол, я тебя понимаю и потом продолжим разговор.

А Руя снова повел речь о садах с яблоками, о своей ненаглядной Аннет...

А потом все заснули, сморенные усталостью. Руя дышал тяжело, с присвистом - у него была прострелена грудь. Берестов тоже притворился спящим. Время от времени тихонько шуршала солома под Курковым - он тоже не спал. Наконец, Берестов коснулся его. Курков ждал этого, лег поближе.

- Вот что, Курков, - сказал ему на ухо Берестов. - Сопротивление - организация тайная. Люди работают, не зная друг друга. И думаю, нет необходимости говорить почему. Будешь у барона, попытайся составить для себя представление о до-

ме или хотя бы о части дома. Может пригодиться. Слушай и запоминай, о чем люди говорят. Постарайся произвести впечатление, заинтересовать собой. Пусть они и впредь видят в тебе нужного полезного человека. Если тебя оставят здесь после нас, считай это своей победой, и сделай все возможное, чтобы закрепить ее. Нужно выяснить, что из себя представляют Папаша и эта женщина в сером. Если на них можно положиться, попробуй наладить с ними отношения. Их информация может оказаться важной и ценной. Никому из наших ребят - ни слова.

Курков пожал руку Берестову, как бы говоря, что система конспирации ему понятна.

- Связь будешь держать через меня. И знать будешь только меня, - продолжал Берестов. - А о тебе знать будут. И может статься, где-либо в лагере или на заводе к тебе подойдет человек и заговорит от моего имени. Паролем будут, скажем, слова "русская баня". И тогда ты все скажешь, что знаешь и считаешь нужным сказать. А если со мной что-то случится по твоей вине, тебя тоже найдут. Как это говорится: око за око, зуб за зуб. Ты уж извини за это предупреждение.

- Почему же, все правильно, - сказал Курков. - А если я узнаю что-то очень важное, о чем нужно сообщить немедленно?

- Попытайся найти меня.

- Но ведь вас могут к тому времени отправить обратно в лагерь.

- Ладно, об этом еще будет время подумать, - Берестов сказал так, потому что не знал, как ему ответить по существу.

- А теперь - спать.

Они отвернулись друг от друга, и вскоре Курков захрапел, видно, удовлетворенный этим разговором.

А Берестов развелновался и долго еще не мог заснуть. Оншел на риск и понимал это. Ему нужен был сейчас совет товарищей, боевых сподвижников. Но они были далеко, и связаться с ними не представлялось возможным. А между тем дело не терпело отлагательства. Нет, он почти не думал о том, что ставил на карту свою жизнь и что придется ему вынести прежде, чем его отправят на виселицу, если Курков

проводоктор. Он думал о деле и надеялся, что Курков сможет оказаться полезным.

Время от времени до слуха разведчика доносилось тонкое подывивание губной гармошки - так развлекал себя охранявший узников Болтун.

Потом где-то очень высоко пролетели английские четырехмоторные "ланкастеры". У них была небольшая скоростенка в сравнении с американскими "летающими крепостями" и "либерейторами", да и вооружены они были слабее, а потому и совершали полеты в основном ночью. На одном из "ланкастеров" когда-то летал и Жорж Руа.

Наверху, в пустынных комнатах замка, перекликались, звяня колокольцами и пружинами, часы. Где-то залаяли зенитки, и несколько раз отдаленно громыхнуло - может, сбросил бомбы один из тяжелых самолетов, а может, сам врезался в землю... Потом все стихло, и Берестов подумал: "Сюда бы бросить тоннечку из тех шести-семи тонн, которые брали на борт "ланкастеры" и "галифаксы".

Утром узников заставили убирать парк в поместье Бауэров.

Подметая аллеи, Берестов старался запомнить расположение построек в усадьбе, расстояние между ними, мысленно вычерчивал план территории со всеми аллеями и канализационными колодцами, которые попадались, стремясь понять, какой колодец с каким соединялся и в каком направлении проложены трубы. Это могло пригодиться.

Подметая аллею, выложенную мраморными плитами, строители как-то нашли тонкие ленты фольги, которую сбрасывали с самолетов англичане или американцы, чтобы создать помехи на немецких локаторах. И эта находка всех очень обрадовала.

На одной из плит Берестов увидел русские буквы и попытался прочесть высеченные на камне слова. Это была надгробная надпись. Через несколько шагов ему попалась еще одна эпитафия, сообщавшая о безвременной смерти капитана пограничных войск. Он погиб в 1941 году от руки немецкого лазутчика. Разведчик подозревал дядю Васю и показал надпись.

Выходило, что мраморную аллею фашисты сделали из надгробных камней и памятников, вывезенных с какого-то русского кладбища, причем использовались камни и памятники с могил военнослужащих.

Они задержались около эпитафии, где говорилось о смерти героя Гражданской войны, красного командира, погибшего от немецкой пули.

Когда Жорж Руа впервые увидел эти надписи, он бросил лопату, сказав товарищам, что не будет работать.

- Пусть что хотят, то и делают, - заявил он.

- Успокойся, - сказал ему Берестов. - Этим делу не поможешь. А ненависть твоя еще пригодится. Держи ее пока в своем сердце.

Улучив момент, дядя Вася сказал Берестову:

- Слышал ваш ночной разговор с Курковым. Лучше бы мне держать с ним связь.

- Почему?

- Если окажется шпионом, вам не сносить головы. А моя все равно заложена. Уж поверьте мне, мил человек, знаю это и помню.

- Будет вам, дядя Вася. Мы еще что-нибудь придумаем. А за внимание спасибо, - Берестов пожал ему локоть, с невыносимой болью в сердце ощущив хрупкое сочленение суставов - под грубой полосатой спецовкой были кожа да кости.

- Думаю, Курков не врет, - сказал он дяде Васе. - Больно он немощен физически для провокатора.

- Всякое бывает.

После этого разговора Берестов долго думал о дяде Васе, о его жизни, над которой уже был занесен топор палача. О его золотых руках. Подлечить бы старика. Сколько бы еще чудес он наделал, сколько бы подарил людям радости. Устроить бы ему побег, пока мы здесь, подумал Берестов. Надо поговорить с Максом и Жоржем. Может, Курков что-то сделает.

Послышалась знакомая барабанная дробь, и эсэсовцы повели узников "на завтрак" туда, где они ночевали. После завтрака заключенные снова принялись строить баню.

- А баньку-то есть смысл перенести и по другой причине, - сказал дядя Вася, покосившись на часовых.

- Нет! - почти крикнул Жорж и сжал кулаки. - Узники невольно оглянулись, но эсэсовцы не обратили внимания на разгневанного Руа. Молчун ходил взад-вперед, думал о чем-то. Болтун, примостившись на ящике, ловил мух, которые садились ему на толстые ляжки, вставлял им в хвост былинки и отпускал, а Парабеллум чистил пилочкой ногти и морщился, - наверное, у него снова начались колики в животе.

- Пусть паршивый кашлюн сгниет в этой бане, - продолжал Жорж, и ноздри его как всегда раздувались от гнева.

- Сгниет, - спокойно проговорил дядя Вася. - А баня останется как памятник русским людям на чужой земле. Да и не вечно эта земля будет чужой. Не вечно.

И его спокойствие передалось Жоржу. Он задумался, покусывая губы.

- Нам надо быть поближе к замку, чтобы вести за ним наблюдение, - сказал Берестов Жоржу.

Посоветовавшись между собой, узники решили предложить барону перенести строительство на другой берег пруда, более высокий, замок с него был виден как на ладони.

О предложении строителей Зигель рассказал Парабеллуму. А спустя некоторое время узники услышали знакомое по-кашливание и жужжание мотора. И тут же увидели меж деревьев серо-темную фигуру барона в самоходном креслеколяске. Установленные под сиденьем батареи давали питание электрическому мотору. Чуть сбоку бежал, высунув язык, серый дог с длинным облезлым хвостом. Огромные волосатые бородавки в углах зияющей пасти и на скулах делали собаку чем-то похожей на хозяина.

Барон осмотрел аллеи, которые узники убирали до завтра, потом направился к ним. Эсэсовцы приветствовали его, подаввшись корпусом вперед. Он браво выбросил руку и выплюнул нацистское "Хайль!". Тотчас же тявкнула "хайль" и собака.

Манфред, ловко управляя креслом с помощью кнопок на подлокотнике, объехал стоявший на бревенчатых клетях

сруб, потом приблизился к строителям и выключил мотор коляски. Собака улеглась рядом, положив морду на длинные толстые лапы.

Теперь строители могли рассмотреть барона поближе. Он был стар и, как видно, немощен, хотя и пытался скрыть это, выпячивая ходуном ходившую грудь.

В своих рассказах Орлов не раз возвращался к описанию старика. И мне нетрудно было представить себе его облик. Этот старый барон, словно наяву, вырастал передо мной. Я видел его бугристый череп, склеротические слезящиеся глаза, дряблую прозрачную кожу на щеках и на шее, которая, кажется, вот-вот сползет, оголив желтые кости. Из плоских, похожих на оладьи, ушей торчат кусты белых волос. Верхушка одного уха была срезана, и шрам пересекал щеку до самых губ, отчего рот кажется сдвинутым набок. Колени барона покрыты зеленым шерстяным пледом.

Пошарив подагрическими пальцами по животу, старик нащупал висевшее на шнурке стеклышко и заученным движением воткнул его в глазную впадину. Несколько секунд смотрел на строителей, беззвучно шевеля губами. Было слышно, как воздух с натужным свистом пробивает себе путь в гнилые внутренности старика, чтобы насытить кислородом его кровь, а потом с таким же свистом и сипением спешит выбраться назад.

- Кто сказал, что баню нужно переставить на другое место? - спросил он с пренебрежением, распространяя вокруг запах желудочных капель. Макс перевел его слова.

Дядя Вася спокойно и с достоинством стал говорить, что русская баня любит сухость и пользу может принести только сухой пар.

- Это близко к замку - испортит пейзаж, - сказал барон.
- Еще как сказать, - ответил дядя Вася. - Цыплят по осени считают. По осени.

- Что значит эти слова? - лицо барона исказилось, и сети прожилок заполнились фиолетовой краской. Монокль выпал из глаза. - Ты знаешь больше, чем я?

- Зачем же приглашали нас строить баню, построили бы сами, - невозмутимо продолжал дядя Вася.

Эти слова обескуражили Бауэра. Он не знал, как на них реагировать и раздумывал, нахмурив копючие пучки бровей.

- Ладно. Показывайте, где поставить русскую баню, чтобы очень хорошо лечила.

Дядя Вася заложил руки за спину и с независимым видом поковылял вдоль берега. Пошли и строители в сопровождении эсэсовцев. Барон нажал кнопку, и кресло покатилось. Рядом бежала собака с красными, как у хозяина, глазами. Набежавший ветерок отогнул конец пледа, которым были укутаны немощные ноги барона, и Берестов увидел на острых коленях поблескивающий вороненой сталью пистолет-автомат с откидывающимся прикладом. Барон поправил плед и посмотрел на узников. Жорж скривил губы в усмешке.

- Боится, дохлая шкура, - сказал он вполголоса.

Осмотрев выбранный дядей Васей пригород, барон велел всем оставаться на месте, а сам поехал к дому - захотел посмотреть оттуда на это место.

Спустя минут десять пришел Папаша и сказал, что барон разрешил перенести место строительства и велел обсадить баню со стороны замка деревьями.

Строители стали рыть новый котлован под фундамент.

Перед обедом в имение Бауэров пожаловал на роскошной серо-зеленой машине комендант лагеря Блюм, как всегда сопровождаемый эскортом затянутых в кожу мотоциклистов - из числа своих приближенных эсэсовцев. Берестов отмечал, что комендант любил шик и не скрывал этого. Впрочем, не только желание произвести впечатление на старого барона, но и животный страх побуждал Блюма брать с собой мотоциклистов. И этот страх за свою шкуру рос в коменданте день ото дня.

Безотказные "БМВ" с колясками, на которых были установлены ручные пулеметы, и двухколесные "циондапы" остались за глухими воротами - мотоциклистов не пустили на территорию замка (барон не выносил мотоциклетного стрекота), и Блюм подкатил к дому на огромном "майбахе" один, если не считать шофера, который являлся и телохранителем комен-

данта. Это был здоровенный детина, на две головы выше Блюма. Никто в лагере не слышал от него ни одного слова. Может, он был немым?

Черный, хорошо оттуюженный костюм плотно облегал широкую литую грудь коменданта лагеря, увшанную наградами, и железные ягодицы. Заключенные говорили, что Блюм носит под одеждой стальной жилет. Одернув полы мундира, эсэсовец направился к лестнице замка, подав вперед массивный подбородок. Он всегда так ходил - словно принюхивался к чему-то. Его крепко налитое сытое лицо было напряжено, а бритый загривок лоснился. Вбежав на крыльцо, он четко, словно новобранец, повернулся на каблуках к массивной дубовой двери, поправил фуражку с невероятно высокой тульей и козырьком, похожим на спущенное забрало (Блюм отличался болезненным вниманием к своей внешности), а затем решительно надавил вниз бронзовую балясину ручки и прошел в дом. Берестов заговорщики переглянулся с Курковым. А спустя минуту-другую Папаша вышел на крыльцо и ударил в барабан. Строителей повели на обед.

Спустя полчаса они снова были на рабочем месте. Копая землю, бывший летчик пытался представить встречу старого барона с комендантом и с нетерпением ждал, когда гитлеровцы позовут Куркова, украдкой посматривал в сторону дома, прислушивался.

Наконец узники снова увидели Блюма. Он стремительно спустился с лестницы, держа в руке желтые лайковые перчатки и, даже не посмотрев в их сторону, сел в машину. Верзила-водитель запустил мотор и повез Блюма к воротам. Вид у коменданта был недовольный: покатый лоб прорезала вертикальная складка, маленькие глаза прищурены, словно он целился в кого-то сквозь ветровое стекло автомобиля.

Берестов снова переглянулся с Курковым, и тот незаметно пожал плечами. "Похоже, Блюму не удалось заинтересовать старого барона возможностью воспользоваться услугами узника, который работает в нашей бригаде? - подумал разведчик. - А может, речь между двумя фашистами об этом и не заходила". Утром, как всегда, узники убирали территорию поместья, чистили водостоки вдоль аллеек. Было тихо, так тихо,

что казалось, будто пульс жизни в этом поместье еле-еле бьется. Работая, Берестов наблюдал за домом: знакомая женщина в сером мыла окна, а Папаша чистил бронзовые балюсины, украшавшие фронтон замка и двери. Создавалось впечатление, что здесь готовились к какому-то приему.

Дважды проехал мимо на стрекочущей коляске напышившийся с негнущимся торсом барон, подозвал Парабеллума и дал ему какие-то указания. Тот козырнул, вытянувшись в струну, потом подошел к строителям и велел Куркову и Зигелю следовать за ним.

Они поднялись по мраморной лестнице, сняли, как им было велено, у дверей обувь, прошли внутрь и оказались в своеобразном холле. Пустынное мрачное помещение, где у входа стояло лишь бюро с большим черным распятием на инкрустированной медью крышке. Свет сюда проникал через витражное окно в потолке, а по углам мерцали золоченой бронзой канделябры с хрустальными подвесками. Высоко над головой мерно отбивали секунды часы с готическими цифрами. От каменных плит пола тянуло могильным холодом. Далее узники прошли по фигурному паркету через анфиладу мрачных комнат, с узкими стрельчатыми окнами и лепными украшениями на потолке. И вот они оказались у высоких окованных медью дверей, возле которых стояли железные манекены в рыцарских доспехах, на головах бронзовые каски с плюмажем, опущенные забрала. Лица у рыцарей были задрапированы красным бархатом. Издалека казалось, что они залиты кровью.

Парабеллум дернул за шелковый шнур с золоченой кисточкой, и через минуту узникам было позволено войти внутрь обширного кабинета с огромным камином из черного мрамора, над которым висела голова медведя с разинутой пастью.

Неподалеку от камина стоял огромный инкрустированный перламутром секретер на гнутых ножках. А за ним в массивном кресле с невероятно высокой спинкой, обитой красной кожей, восседал старый барон. Если бы он смог встать на сиденье, то и тогда вряд ли бы дотянулся до верха спинки, увенчанной завитушками по дереву. Кресло, на которое барон, по всей видимости, смог забраться только с помощью

слуги, было похоже на княжеский трон и олицетворяло здесь безграничную власть хозяина. А может, во времена мрачного средневековья оно и принадлежало одному из властителей "священной Римской империи германской нации", хищнику-гогенцоллерну. За креслом на стене висела огромная бронзовая плита с родословным древом Бауэр. Верхушка этого "древа" довольно поусохла, что говорило о вымирании рода.

Противоположную стену занимали портреты мужчин и женщин в овальных рамках, а по углам на точеных подставках стояли мраморные бюсты.

Лежавшая на полу собака напоминала узникам каменного сфинкса. Барон велел Куркову рассказать о себе, о том, чем занимался до войны. Слушая, Манфред фон Бауэр медленно перебирал янтарные четки. Потом спросил у художника, сможет ли тот реставрировать резные панели из мореного дуба в кабинете. Курков осмотрел их и сказал, что работа займет не меньше месяца.

- Тогда обождем с этим. Есть дела более срочные, - сказал барон и велел Парабеллуму провести строителей в нижний зал.

Это помещение напомнило узникам подвалы гестапо, где их пытали, прежде чем бросить в концлагерь. На покатых стенах, украшенных сверху потемневшими от времени фресками, в стрельчатых нишах стояли широкие стеллажи с древними фолиантами в толстых обложенных серебром переплетах из свиной кожи, а над ними, где стены начинали плавно закругляться и переходить в потолок с тяжелой лепниной, висели портреты Гогенцоллернов и других "великих людей", сверхчеловеков, полубогов германского рейха. Одни из них возглавляли воссоединение железом и кровью раздробленной Германии под эгидой монархической Пруссии, другие в тиши кабинетов вырабатывали идеологию реакции и милитаризма, третьи "внедряли" эту идеологию с помощью новейших видов вооружения. Целая галерея ликов, причисляемых к сонму святых. В числе их были и святые отцы католической церкви, подписавшие конкордат с Гитлером.

Видимо, сюда, в подземелье, которое строители назвали преисподней, где витал дух тевтонских походов и господство-

вал культ войны и силы, слепая бессмысленная воля, отрицание исторического прогресса, приходили, как на богомолье, чтобы поклониться этим "святым", освежить в воспаленной памяти их веющие слова, их заветы, начертанные тут же на стенах, взбодрить себя, как взбадривают наркотиками. Спустившись на лифте вниз в сопровождении Папаши, Манфред не спешил с продолжением начатого в кабинете разговора. Он протянул клешнятую руку к жаркому огню камина, над которым висел огромный меч с выгравированной на лезвии надписью "Кровь и честь", и так застыл, откинувшись на спинку кресла. Строителям показалось, что он погрузился в транс, упиваясь ролью средневекового патриция. Бескровные губы слегка шевелились, изо рта выплетали какие-то слова. Может, он разговаривал с "духами" Гогенцоллернов, пребывавших в Валгалле, а может, повторял заповеди, начертанные под их портретами. Этому калифу не дано было знать, до чего смешным и жалким выглядел он в своих потугах казаться вершителем человеческих судеб перед лицом неумолимой истории, напоминая узникам при свете неверного огня камина восковую фигуру, муляж.

Но Манфред фон Бауэр был и страшен своей фанатической верой в бессмертие рейха, беспощадностью к тем, кто думал иначе.

Очнувшись, барон повел взглядом в сторону тяжелой бархатной драпри, закрывавшей широкую нишу. Папаша потянул свисавший шнур. Занавеси расступились, и перед изумленным взором узников оказалось множество всевозможных ударных музыкальных инструментов: на полу от стены до стены стояли военные литавры разных размеров в виде медных полушарий или котлов, рядом лежали колотушки. Тут же находились тимпаны, томтомы и тамтамы. Иные из них представляли собой выдолбленные стволы африканских деревьев и достигали нескольких метров в длину. А палочки из "железного дерева" по твердости почти не уступали металлу. Были здесь и бубны, и колокола, и ксилофоны, и треугольники из "серебряной стали", и кастаньеты, и бубенчики, и даже кузнечная наковальня с молотом.

Но главное место в коллекции отводилось барабанам. Под каждым была дощечка, где указывалось, из какой страны барабан, к какому времени относится его изготовление, был ли использован в боях. По дощечкам можно было проследить историю сражений в разных странах и историю Германии.

- Это моя самая большая гордость, - сказал барон прочноувствованно застывшему в почтении эсэсовцу, вставляя в глазную впадину монокль. Стекло не хотело сидеть там и без конца падало на живот барона. Он даже не пытался ловить его, был слишком взволнован. Руки его дрожали. И это передалось Парабеллуму. Он как-то странно задрыгал ногами и принял болезненно морщиться.

- Нигде в мире нет такой коллекции боевых наступательных инструментов, - сказал барон. - Под звуки тамтамов и барабанов наши предки устраивали пляски в честь одержанных побед, совершили религиозные обряды, собирались по сигналу тревоги, шли в атаку. Эти литавры, - он указал на два глубоких медных "котла", - проникли в Европу во время крестовых походов, позднее их использовали при посвящении в рыцари. А под звуки этих малых барабанов с деревянным ободом в шестнадцатом и семнадцатом веках маршировали солдаты.

В коллекции барона имелись барабаны небольшого диаметра с высоким ободом - на них играли еще во времена ландскнехтов (*), барабаны, принадлежавшие армии зуавов Наполеона III, тамтамы, звучавшие на корридах перед тем, как матадору и пикадору сразиться с разъяренным быком.

- Барабаны создают в душе воинственное настроение, - продолжал барон. - Под их дробь совершались казни и экзекуции. На похоронах тоже не обходилось без этих инструментов. И нам не нужна другая музыка. - Барон Манфред фон Бауэр вошел в раж, налитые кровью глаза готовы были выпрыгнуть из орбит, и не дай Бог если бы кто-то прервал его. - Барабаны будут сопутствовать рождению нового человека, его первым шагам по жизни, звать к наступлению и подвигу, активизировать его любовь и нежность в брачных узах, тони-

(*) Ландскнехт - наемный солдат в средневековой Германии.

зировать его старость - барабаны вообще отбрасывают старость назад - и смерть благодаря им не будет казаться человеку страшной.

В глазах Манфреда фон Бауэра появился зловещий огонь, а на черных жестких губах выступила пена.

- Да, будущее за барабанами, только они поднимают дух на недосыпаемую высоту. И наш фюрер, - он повернулся к портрету Гитлера, который, откинув назад голову с псевдона-полеоновской челкой, смотрел прямо перед собой, - однажды назвал себя "национальным барабанщиком", не трубачом и фанфаристом, не дирижером и капельмейстером, а барабанщиком. Барабанную музыку любит и мой друг Геринг. И я могу сказать: будущее у меня здесь. Скоро, очень скоро я намерен продемонстрировать это тем, кто вместе со мной вершит судьбами человечества.

Узники тихонько переглянулись: "Так вот чем вызвано на-ведение глянца в имении Бауэров, - подумали они. - Значит, ожидается приезд высоких гостей".

Манфред фон Бауэр уставился в Куркова и сказал, что хочет придать всем этим ударным инструментам надлежащий вид, что они должны внушать к себе должное уважение.

- Осмотря их внимательно, - продолжал он, отдохнувшись, - и скажи, что необходимо, чтобы они соответствовали этому историческому моменту. Все нужно делать быстро, времени в нашем распоряжении мало. - Он посмотрел на часы. - А теперь наверх. Мне пора завтракать.

- Хотелось бы знать точнее, к какому времени необходимо привести коллекцию в порядок, - сказал Курков барону. Зигель перевел его слова, стараясь казаться равнодушным.

- Даю десять дней, - барон показал длинные узловатые пальцы.

Увы, названный срок не давал ответа на возникший у строителей бани вопрос, когда пожалуют высокие гости.

- С этого дня строители сооружали баню вчетвером под охраной Болтуна и Молчуна, а Курков занимался барабанами под надзором Парабеллума, - сказал Орлов. - С Берестовым теперь реставратору приходилось встречаться только во

время еды и ночью. Он сообщал обо всем, что видел в замке и что слышал.

Когда он рассказал о паноптикуме и перечислил портреты, висевшие на стенах, Жорж Руа сокрушенно покачал головой:

- О-ля-ля! - И наш Наполеон тоже.

Француз не мог без негодования говорить о главнокомандующем французской армией генерале Вейгане, который строил проекты разгрома России, а когда Германия напала на Францию, этот вояка поднял лапы кверху.

Орлов рассказал мне, как однажды после обеда сын старого барона Ганс фон Бауэр и его жена Гертруда появились в замке с толстым эсэсовцем, стянутым ремнями, как пивная бочка обручами, с красной мясистой физиономией. Его зычный раскатистый голос сразу же заполнил весь дом и парк. Казалось, речь толстяка транслировали по десятку громкоговорителей.

- Вот так встреча, - шепнул Берестову Макс Зигель.

- Ты его знаешь? - спросил разведчик.

- Одно время я работал на заводе, выпускавшем печное оборудование для котельных, - стал рассказывать немец. - Директором был некий Вайсберг. Потом начались еврейские погромы и аризация предприятий. Тогда и появился на горизонте этот тип со сломанной переносицей - Фердинанд Клопс. Он служил в эсэсовских частях "Мертвая голова". Особо отличился во время "кристал нахт" (*), что дало ему деньги, нужные для покупки завода. Спустя некоторое время он реконструировал производство... - Зигель замолчал, увидев приближавшихся к стройке старого барона в самоходном кресле, его сына Ганса, фрау Гертруду и толстяка эсэсовца в фуражке с серебряным орлом, под которым зловеще блестела мертвая голова. Он нес свой тугой, словно барабан, живот, переваливаясь с боку на бок, размахивая сигарой перед носом попутчиков, и, рассказывая что-то, похохотывал.

(*) "Хрустальная ночь". Под таким названием нацисты совместно с правительством организовали в ноябре 1938 года одновременно по всей стране выступления против евреев.

(*) Альберт Шпеер - глава военной индустрии нацистской Германии.

Охранники вытянулись в струнку и замерли как истуканы. Клопс походил на Блюма, только был значительно выше, толще, горластей, с более грубыми и расплывчатыми чертами лица. Переносица у него была повреждена, отчего нос потерял форму, казался плоским. Рот его, словно кошель, был набит золотыми зубами.

Старый барон стал что-то говорить про баню, как всегда напирая на "р", растягивая гласные. Но эти объяснения были не нужны толстому эсэсовцу. Он перебивал старика, вносил комментарии, оглашая окрестности гомерическим хохотом. Даже разыграл нечто похожее на пантомиму, показывая, как охаживает свое тушебобразное тело веником, сначала по лопаткам, потом по жирным бокам и ляжкам.

- Гут, гут! - голос холерического толстяка гремел с такой силой, что опадали листья с деревьев. - Зер гут! - Он задирал башку и делал рот воронкой, блаженно прикрывал глаза.

Барон ослабился, показывая редкие зубы, отчего нафарренные пики-усы раздвинулись до ушей, и затрясся в беззвучном смехе. Можно было подумать, что он подавился и не может передохнуть. А Клопс продолжал фыркать и пыхтеть, демонстрируя свою эмоциональность.

Неопределенная ухмылка скользнула по сдоброму лицу директора и тотчас же спряталась в пышных рыжеватых усах, он словно спохватился, что снизошел до того, чтобы смеяться вместе с этим плебеем, выскочкой, нуворищем, все манеры которого говорили о том, что он не имеет в своих жилах ни одной унции голубой крови.

Фрау Гертруда, источавшая резкий аромат духов, посмотрела на тестя и тоже рассмеялась каждой клеточкой своего необычайно пышного тела, которое было тугу затянуто платьем и украшено бусами, брошками, браслетами и кольцами. Все это пришло в движение и замельтешило в глазах у строителей. Но вот ее тело неожиданно перестало смеяться, опало, как опадает в квашне проткнутое тесто, успокоились и украшения, а гладкое навощенное лицо снова стало похожим на кукольную маску, и только ее обширный бюст все еще колыхался при каждом вдохе и выдохе.

- Будет ли баня готова к приезду моего горячо любимого Курта? - спросил толстый эсэсовец. - Хотелось бы перед тем, как сесть за стол, привести себя в надлежащую готовность, ускорить, так сказать, процессы обмена, улучшить кровообращение и стимулировать дыхание, - он снова захохотал, довольный своей остротой.

- Конечно, - сказал старик. - К сожалению, боевые раны задержали героя в госпитале дольше, чем нам этого хотелось. Потом он отправится в Берлин для беседы с Альбертом Шпеером (*) по поводу его нового назначения, после чего он примет дела. Мы увидимся не раньше чем через полторы недели.

- Мой мальчик, - фрау Гертруда приложила к припухлым глазам кружевной платочек, - я не дождусь, когда обниму своего любимого сына. Это будет моим самым счастливым днем в жизни. Он так настрадался...

- Страдания на войне украшают душу настоящего мужчины, - сентенциозно изрек барон. - Как это у Ханса фон Секта: "В понятии войны заключено высшее проявление мужских добродетелей".

- Что-то очень убедительное есть на этот счет и у Эриха Людендорфа, - сказал Клопс. - Очень убедительное...

- У него много убедительных выражений, - заметил барон. - Например: "Война - сущность жизненной борьбы человека".

Мне, изучавшему историю и знакомому с фашизмом не только по книгам, было известно, что гитлеровцы охотно пользовались "руководящими мыслями" своих вождей и фюреров, чтобы доказать недоказуемое. Цитаты, девизы, изречения - все бралось на вооружение, лишь бы не думать самим. Даже на вратах концлагерей они прибивали благочестивые речения, которые должны были служить назиданием заключенным и оправдывать деяния фашистов.

...Между тем Гертруда посмотрела на Клопса с плохо скрытой усмешкой.

(*) Альберт Шпеер - глава военной индустрии нацистской Германии.

- У тебя, милый Фердинанд, нет ни одной раны, а ты ужеoberfюrer, тогда как моему сыну только недавно дали майора. Войска СС не забывают заботиться о себе.

- Это не совсем так, дорогая фрау Гертруда, - бычий затылок Клопса налился кровью. - Если бы ваш покорный слуга не успел во время увернуться в одной из недавних схваток, то кормил бы сейчас могильных червей.

Собеседники вопросительно подняли брови.

Клопс между тем продолжал после некоторой паузы:

- Мы только что обезвредили разведывательную группу некоего Орлова, который действовал в нашем тылу.

- Разве такое возможно? - возмущенно воскликнул барон. - Куда смотрит наша контрразведка.

- Скажу по чести - было нелегко справиться с этими фанатиками, - продолжал толстяк. - Очень нелегко.

При упоминании имени Орлова у Берестова, как он выражался, внутри что-то оборвалось, и он невольно схватился за руку Жоржа.

- Нил, тебе плохо? - спросил француз.

У разведчика даже не хватило сил ответить ему.

- Мы выследили с собаками этих лазутчиков, когда они занимались разведкой, - рассказывал Клопс, зло пыхтя сигарой.

- В этом бою погибли немало моих товарищей.

- Надеюсь, ваши рыцари преподнесли красным свиньям достойный урок, - сказал старик.

- Яволь.

- Пленных повесили? Клопс засопел, погасил сигару о кованый каблук сапога.

Берестову показалось, что прошла вечность, прежде чем эсэсовец заговорил снова.

- Увы. Воспользовавшись ночной темнотой, некоторым удалось скрыться. А те, кого мы окружили тесным кольцом, предпочли смерть.

- И вы никого не взяли живьем?

- Когда им стало понятно, что улизнуть невозможно, они пробрались на железнодорожный мост и подорвались. Если от них что-то и осталось, то пошло на корм рыбам.

- Будем надеяться, что эта участь постигла и самого Орлова, - сказала Гертруда.

В груди Берестова клокотала глухая ярость, сердце было готово разорваться на части. "Неужели я больше не встречусь со своими боевыми товарищами? - думал он. - Неужели все погибли? А как же быть с поручением, которое мне дал Орлов?".

Берестов не знал тогда, что Орлова пощадила смерть и он не утонул. Ему и еще нескольким боевым товарищам после взрыва моста все-таки удалось выбраться из-под обломков и выплыть под покровом ночи и вскоре продолжить борьбу с фашистами в тылу врага.

Выдержав паузу, Клопс закончил с пафосом:

- Мне пришлось пережить немало, проводя в жизнь бесценные указания фюрера о физическом уничтожении противника. Клянусь моей муттер и Германией! Что же касается нашего горячо обожаемого Курта, то он служит в самых почетных войсках под командованием рейхсмаршала Геринга. И наград у Курта больше, чем у меня. Но я не в претензии. Имперская авиация и должна быть впереди. Без люфтваффе и завоевания господства в воздухе нельзя помышлять о завоевании мирового господства.

- Служил, - со вздохом сожаления сказала Клопсу фрау Гертруда.

- Вы хотите сказать, что он больше не сможет летать. Это вовсе не значит, что он должен снять голубой мундир люфтваффе. Думаю, что его новое назначение...

- Не беспокойся о Курте, - перебил Клопса Манфред фон Бауэр. - Я подыскал моему внуку достойное дело. Он еще проявит себя. Мы, Бауэры, свято чтим завещанные нам заповеди. Я вижу его среди тех, кто кует наше сверхоружие, которое спасет Германию.

Упоминание старика о сверхоружии заставило Берестова взять себя в руки. Нельзя было пропустить даже одно слово из разговора фашистов.

- Значит, он возглавит ваш новый филиал? - спросил Клопс.

- У нас будет время поговорить об этом.

- Яволь! - Эсэсовец обошел вокруг поднявшегося на метр сруба и стал вымерять толстыми, как сардельки, пальцами проемы дверей в парной и предбаннике, а затем вознамерился измерить ширину коляски барон.

- Это учтено, - самодовольно ухмыльнулся барон.

- Среди ваших гостей могут объявиться такие дирижабли, которым двери в этот эллинг окажутся узки. Распарившись, они и не вылезут, - и Клопс снова захотел, запрокинув голову, словно боялся, что во время смеха вылетят его золотые зубы.

- Толще тебя, мой дорогой Клопс, вряд ли можно сыскать человека во всем рейхе, - отпарировал Манфред фон Бауэр.

- Не скажите, - Клопс оборвал смех. А вслед за этим Берестов услышал из уст эсэсовца имя председателя совета министров по обороне Великой германской империи, командующего военно-воздушными силами Геринга.

И тотчас же посерезнели лица у Бауэров, они переглянулись, потом посмотрели на строителей и о чем-то тихо заговорили между собой.

Клопс медленно вошел внутрь сруба. На оконьше огромной, как военный корабль, фурражки и под мышками виднелись подтеки пота. Он сам отметил мелом, какой ширины должен быть проем, а потом его заплыившие глазки зашарили по лицам строителей. Он точно фотографировал узников в анфас и в профиль.

- Надеюсь, вы знаете свое дело, - сказал он эсэсманам, щелкнув пальцем по автомату Молчуна. Тот, не говоря ни слова, подбросил кверху щепку и тотчас же раскрошил ее в небе короткой очередью из автомата.

Фашисты считали строителей причастными к "государственной тайне", а это для узников всегда кончалось плохо, очень даже плохо, подумал я. "С целью сохранения секретности" их просто уничтожали.

- Ты мне нравишься, - сказал Клопс Молчуна.

- Мог быть бы хорошим егерем, - заметил старик.

Фашисты, как видно, пожалели о том, что упомянули при узниках имя Геринга, который тоже мог пожаловать в замок

вместе с другими высокопоставленными лицами и даже мог изъявить желание попариться в русской бане.

...Старик повернул кресло-коляску к дому.

Ганс фон Бауэр, фрау Гертруда и Клопс пошли вслед за ним по аллейке. Около бассейна, недалеко от статуи обнаженной женщины, барон остановил свой драндулет и обождал путников. Глядя на мраморную купальщицу, он проговорил с грустью в голосе:

- Вот кого я любил не меньше, чем внука. И она достойна была моей любви, и стала бы его верной подругой.

- Чистокровная арийка! - воскликнул Клопс, оглядывая статую. - Клянусь Германией. - И глазки его масляно заблестели.

- К сожалению, не имел удовольствия познакомиться. Наверное, Курт был чертовски счастлив. Ему везло на хорошеных фрейлин. Липли к нему, как мухи к меду, и называли "рыцарем печального образа". А я был повесой и бузотером.

- Вас нельзя было спутать, - заметила Гертруда.

- Мы дополняли один другого, не правда ли?

- Это обстоятельство я и ценил в вашей дружбе, - сказал старый барон. - Ты не давал ему замыкаться в себе, умствовать без меры.

Клопс неуклюже раскланялся и снова обратил взор к статуе.

- Поэма в мраморе.

- Да, классический тип нордической женщины, - согласился барон. - Немка до мозга костей и по духу. - Помолчав немножко, он продолжал: - Курт познакомился с Бертой в тридцать шестом, во время летних олимпийских игр в Берлине, где она была удостоена внимания самого фюрера. О, если бы она была жива сейчас, о, если бы... - Он судорожно сжал кулаки и уткнулся в них налившимся кровью лицом. Нижняя челюсть отвисла и задергалась.

- Успокойся, отец. Ты отомстил за нее, - сказал директор.

- Да, да! Я приказал уничтожить всех до единого из блока, где находилась та сумасшедшая узница, что задушила Берту.

- И я внес в это скромную лепту, - сказал Клопс.

Старый барон поднял набрякшие глаза на эсэсовца.

- Их сожгли в кремационной печи, которую сделали на моем заводе. Это была первая высокопроизводительная печь после реконструкции предприятия. Но не последняя. Клянусь Германией! - И он снова захохотал.

- О да! Но если бы твое производство и не наладило к тому времени выпуск этих замечательных печей, я бы расстрелял их самолично, вот этими руками, - и барон протянул вперед руки, растопырив дрожащие пальцы.

- Видит бог, вы любили ее, - сказал Клопс.

- У нас было много общих идей и устремлений. Когда Курт уехал на войну, она была моей добной валькирией. Мы мечтали о возрожденной Германии, когда поверженная Европа будет стоять перед нами на коленях. Это было восхитительно! А потом и она уехала. Девизом "Барбароссы" была тотальность. Берта оставила шестимесячного Фрица на наше попечение и стала работать в женском концлагере. В своем соболезновании комендант писал, что не видел более ревностной надзирательницы. Она не расставалась с плеткой и собаками, как я с Вампиром, и нагоняла страх на весь лагерь. Она пала смертью храбрых за фюрера и отчество. Но ее плоть и кровь живут в нашем внуке, маленьком Фрице. Он похож на Берту и внешностью, и характером. Ему четыре годика, а он уже настоящий солдат и патриот Великой Германии.

- А где же он?

- У Гельмута. Бог не дал моему брату и Хильде детей. И они взяли его к себе, пока наш Курт на войне. Оба души не чают в мальчике.

- Надеюсь, ему там неплохо?

- Гельмут недавно получил должность прокурора округа и, конечно, не может уделить ему достаточного внимания, но Хильда не работает. Они приедут сюда с Фрицем встречать Курта. Ах, Берта! Как будет недоставать тебя в этот день, - и старый барон горестно закачал головой.

- Говорят, ее отец сделал блестящую карьеру? - спросил Клопс.

- Доктор Гейнц Бухвальд? Он настойчиво искал себя и не отчаивался, если фортуна поворачивалась к нему спиной.

При упоминании бароном имени Бухвальда Берестова пердернуло, и он почувствовал, как по спине побежали мурашки.

Бухвальд был эсэсовским врачом в лагере и отличался жестокостью и варварским отношением к заключенным.

- Думаю, наш Бухвальд далеко пойдет, - продолжал парлитик. - Ни для кого не секрет, что германская нордическая кровь обладает особыми качествами, это ставит нас в привилегированное положение в мире. Бухвальд задался целью доказать, что качество мозга у представителей арийской расы тоже несравненно выше, чем у других народов. Сейчас он занимается подсчетом извилин... Представляете, какую это произведет сенсацию, и возвысит его в глазах немецкого народа и всего человечества. Историческая необходимость по рабощения и уничтожения других народов будет подтверждена новыми научными данными, а расово-очистительные акции приобретут гораздо большие масштабы.

- Курт видел эту статью? - спросил Клопс, не спуская глаз с мраморной Берты.

- Нет. Ее изваяли, когда мы приступили к плану "Барбаросса". По фотографиям. И так удачно. В этой фигуре, в ее цепомудренной позе, в выражении лица - вся Германия с ее великим будущим. Не правда ли? Сначала я хотел начертать на постаменте эпитафию, но, подумав, решил - Германия не нуждается в эпитафиях. Панегирики и только панегирики. И я высек слова Цицерона pro apis et docis - "за алтари и очаги".

- Курт будет доволен, - сказал Клопс.

- Он и она - это дорогие мне люди. Но они не очень-то ладили между собой. Не знаю почему, да теперь это и не имеет значения. Ладно, пойдемте в трапезную. Пора подкрепиться. Я угощу тебя, Клопс, чудесным вином, которое мне прислали из Франции.

Через четверть часа человек с бакенбардами вышел на крыльце с барабаном и проиграл "сбор".

В тот вечер узники вернулись в подвал в подавленном состоянии и, вскоре поев, вконец обессиленные, легли на солому. Однако заснуть долго не могли.

- Нет, я не думаю о том, что над нами "навис резак гильотины", - сказал Жорж Руа, - не думаю о смерти. Еще мало сделал я из того, что задумал, еще не заимел детей, которым смог бы передать частичку себя и тем самым продолжить род свой.

А мысли Берестова были обращены к товарищам, павшим в неравном бою. Если верить Клопсу, партизанская группа перестала существовать. Он в отчаянии сжимал кулаки и скрипел зубами. "До тех пор, пока в строю остается хоть один человек, боевой отряд функционирует", - вспомнились ему слова командира. И он мысленно повторял их теперь, думая о том, как отомстить за дорогих ему людей. Ведь поручение, данное ему Орловым, никто не отменял. Ян Гула поможет ему связаться с нужными людьми и передать в тыл все то, что ему стало известно.

...Курков рассказал строителям о том, что увидел в доме Бауэров, находясь в паноптикуме и снимая кислотой и наждачной бумагой посторонние наслоения и коррозию с металлических частей старых барабанов, промывая их, подкрашивая бесцветным лаком. Ему довелось встретиться с толстым эсэсовцем в паноптикуме и услышать разговор с бароном.

Клопс был возбужден, вспоминал времена детства, когда играл в имении Бауэров с Куртом в древних викингов, а потом, уже будучи учеником гимназии и шарфюрером гитлерюгенда, под барабанный бой маршировал в коричневых штанышках по лужайкам поместья, напевая песню - марш гитлеровской молодежи "Свята Германия и бесконечна..." или: "Бог, что сидит в небесах - эх, любит верность и юных солдат". Вспомнил, как однажды во время обеда Курт услышал рассказ отца о том, что когда-то давным-давно не то дед, не то отец Манфреда фон Бауэра, читая Геродота или Аристотеля, наткнулся на повествование о греческом тиране Поликрате, жившем две с половиной тысячи лет назад на острове Самос, который приказал подвести к столице своего государства воду из источника под землей, по специальному тоннелю, спроектированному строителем Эвполином (чтобы враг не имел доступа к воде). И тогда был прорыт в горе тоннель

километровой длины, что сделало город неуязвимым для врага.

Предок Манфреда решил тоже превратить свой замок в крепость и провести к дому тоннель под землей, соединить его с источником в ущелье. Но при постройке были допущены просчеты, и вода не хотела течь в замок. И тогда тоннель превратился в обычный подземный ход, который в общем-то, тоже оказался ненужным, и о нем забыли. Ганс фон Бауэр не знал, где проходит этот тоннель. И вот Курт и Фердинанд втайне от взрослых решили найти его, облавляли все подвалы, но входа так и не нашли.

В ответ на эти слова старый барон хитро ухмыльнулся.

- Придет время, и я покажу Курту этот вход.
- Значит, он существует?! - воскликнул Фердинанд.
- Мало ли в этом замке есть такого, что касается только хозяев, - ответил барон.

Клопс заговорил о том, как однажды после конфирмации они спустились с Куртом в это рыцарское зало и побратались, высосав кровь друг у друга из ранок на руках, нанесенных тевтонским мечом; как дрались со школьными товарищами при свете факелов на шпагах - до первой крови.

Именно здесь, среди боевых стягов и оружия, у них выкисталлизовались понятия о крови и чести, и они клялись перед тенью своих великих фюреров быть достойными сыновами национал-социалистской империи и храбрыми воинами. Здесь они пели: "Знамя осеняет молодую нацию, павшие герои шагают впереди, и следят за нами доблестные предки..." И еще - "Германия, отчество, мы готовы в бой..."

Здесь они тайно учили "суд чести" одному из одноклассников, осмелившемуся пессимистически, а значит, и разлагающе высказаться по поводу Блицкрига и вообще о войнах.

За распространение пораженческих идей однокласснику надели на голову старое воронье гнездо и нанесли несколько чувствительных ударов плашмя древним мечом по голому седалищу, в результате чего оно превратилось в лиловый окорок.

- Я был обвинителем на этом суде, - вспоминал Клопс. - И произнес речь. Сказал, что войны и зло неизбежны, как жизнь и смерть.

Нами повелеваю инстинкты самосохранения, борьбы за территорию, агрессивности, воинственности. Чтобы одним выжить, занять место под солнцем и родить себе подобных, другим придется оставаться в тени, отказаться от жизни и стать жертвой. Добровольно на это никто не соглашается. Даже заяц пускает в ход когти, когда его настигает волк. А отсюда и битва. И все хотят одних благ. И никто не хочет страдать. А аппетиты растут по мере нашего развития. Раньше у короля не было того, что сейчас имеет какой-нибудь владелец чулочного производства. Чем дальше мы продвигаемся в своем совершенствовании, тем больше нас на земле, тем беспощаднее схватки и побоища. Если в старину, в примитивных мясорубках войны гибли сотни и тысячи людышек, и на их перемолку уходили годы, то теперь молох войны благодаря науке способен раздробить ипустить по ветру миллионы жизней в считанные часы. Впрочем, это закономерно. Земля не резиновая, ее не растяньешь и не раздуешь. Сама природа позаботилась, чтобы на ней сохранялся определенный баланс. Раньше тысячи и миллионы жизней уносили неизлечимые болезни, эпидемии холеры, оспы, чумы и проказы. Человек постепенно и незаметно сокрушал эти недуги, но природа зорко следила за его происками, как часовой, стояла на страже сохранения баланса. Чтобы поддержать равновесие, она постепенно и незаметно развивала в человеке агрессивность, и он сначала вместо палицы и меча взял в руки автомат и гранату, а потом бомбу. И так будет продолжаться до бесконечности, до скончания света, предсказанного апокалипсисом. Да и конец этот скорее всего наступит благодаря войне.

- Представляете, каким дурманом забита голова Клопса! - сказал Курков. - Я слушал этот его сверхциничный монолог и едва сдерживался от того, чтобы не закричать: "Остановитесь, Клопс! Это же бред сивой кобылы!"

- Мне известно об этом "суде чести", - улыбнулся Манфред фон Бауэр, выслушав клопсовскую тираду в защиту войн и аг-

рессии, - хотя он и совершился в тайне. И речь твоя прекрасна. Я имел удовольствие слушать ее собственными ушами.

- Каким образом? - удивился Клопс.

- Это уж мое дело. Я тогда даже прослезился. И подумал: хорошие рыцари растут на смену нам, старикам.

- Ну, каким вы были стариком. Я вспоминаю наши охотничье выезды. У вас был конь, равного которому не было во всей Германии. И стреляли вы на полном скаку без промаха.

Клопс льстил барону. У Бауэра повлажнели глаза, он выпятил грудь, напружинился и сжал кулаки, словно его пересадили на коня.

- Берта - вот кто знал толк в лошадях, - старый барон вздохнул. - Она была прекрасной наездницей, и ей я обязан тем, что мой Вампир стал настоящим псом. Ведь его нужно было гонять не менее десяти километров в сутки. Это делала Берта, носясь на своем буланом по окрестным лесам. Видели бы вы ее в седле в одеянии Евы. Она любила ездить ночью и чтобы ничего не мешало ее движениям.

- Вот как!

- Езда ее распаляла.

- Ну, вы-то не уступали ей. Вы и сейчас рыцарь хоть куда... - сказал Клопс.

- Да, меня нелегко вышибить из седла, - ответил барон, оглядывая барабаны. - Скоро, совсем скоро я завершу свой фундаментальный трактат "Барабаны, расовая теория и geopolitika". Многие даже не представляют, что прорицание отвело этим инструментам великую роль в завоевании господства на земле.

Старик рассказал Клопсу о боевых подвигах своего внука, Курта, получившего боевое крещение при бомбардировке Варшавы осенью тридцать девятого, когда судьба Польши была предрешена.

- Судя по всему, у них здесь намечается какое-то грандиозное сорище, - сказал Жорж Руа.

- Определенно, - согласился Макс. - И они хотят, чтобы мы к этому времени закончили работу.

- И чтобы двери в баньке были широкими, - усмехнулся дядя Вася.

Берестов вспомнил, как Бауэры и Клопс настороженно посмотрели в сторону строителей, назвав имя Геринга, и как потом Клопс подошел к охранникам и напомнил им об их обязанностях. А обязанности были просты: хорошенько стеречь невольников, а если вздумают бежать, то стрелять в них!

И охранники повысили бдительность, не сидели, как раньше, на ящиках, заняв себя каким-нибудь делом, больше ходили вокруг стройки или стояли в ее противоположных сторонах. Впрочем, это делалось скорее для того, чтобы угодить Клопсу. И строители надеялись что, как только он уедет, охранники будут менее бдительными. Только узникам и это не сулило ничего хорошего.

Но они не были безразличными к тому, что происходило в доме Бауэра.

- Как бы узнать, когда здесь будет дьявольский шабаш? - сказал Жорж.

- Зачем? - с надеждой в голосе спросили сразу Макс и дядя Вася.

Он пожал плечами. Но уже тогда знал, зачем это нужно. И Берестов видел в Жорже сообщника, на которого можно положиться, так же как на дядю Васю, на Макса Зигеля. Более того, Руа оказался самым молодым и самым предприимчивым, что само по себе было очень важно.

- Нам нужно тоже усилить бдительность, вслушиваться в каждое оброненное ими слово, - заметил Берестов. - Составлять факты, анализировать. Вчера барон сказал Клопсу, что сюда должен приехать его внук. Это случится не раньше, чем через полторы недели. И к его приезду баня должна быть готова. Таким образом, приблизительные сроки сборища нам известны.

- Нужно наладить отношения с Папашей, - предложил Курков товарищам. - Он к нам относится по-человечески. А ему то известны эти сроки.

- Так он и скажет, - усмехнулся Жорж. Узники успели убедиться, что Курков не подсадная утка, и относились к нему как к единомышленнику.

- А проговориться может, ненароком. Только нужно его подвести к этому.

- Как? Ведь мы с ним обмениваемся лишь взглядами. И при эсэсовцах.

- Хотите, я это возьму на себя.

- Что хочешь предпринять? - спросил Берестов Куркова. - Как говорится, один ум хорошо...

- А два лучше. Я передам ему записку.

- Ты с ума сошел.

- Послание будет самого безобидного характера. Поблагодарю за внимание и больше ничего. Если даже записка попадет в чужие руки, это не вызовет подозрений. Но думаю, слуга ее не покажет, потому что в ней косвенно оценится его отношение к нам. И оценка нежелательная барону. Главное - узнать, как прореагирует Папаша. Я буду действовать от своего имени, но, конечно, каждый мой шаг предварительно обговорим с вами. Что теряем? Ведь мы фактически давно в западне, из которой выбраться невозможно. Днем раньше, днем позже... А выиграть кое-что можем. - И он посмотрел на Руа. - Мы получим ответ на вопрос, заданный тобой в начале этого разговора.

И все снова надолго замолчали.

"Допустим, мы будем знать сроки сборища высокопоставленных чинов в доме Бауэров, - подумал вслух Берестов, - какую пользу мы можем из этого извлечь? Вот если бы можно было услышать, что там будут говорить, и передать все на Большую землю. Только как это сделать?"

- Надо связаться с немецким подпольем на свободе, - сказал Руа, как бы предвосхищая мысль русского разведчика. Все посмотрели на Жоржа с тайной надеждой. Он продолжал:

- Они могут поручить своей боевой группе совершить нападение на дом Бауэров во время сборища.

- Но как связаться? - спросил Курков. - Через лагерное подполье? Нас отсюда не выпустят.

- И все-таки надо что-то придумать, - настаивал Руа, пощипывая подбородок. - Надо!

Макс внес в идею Руа дополнение.

- Связаться необходимо, но это лучше сделать, когда мы точно будем знать дату сбоя.

С ним согласились. Только весь этот разговор не прибрал узников к цели. Они по-прежнему не знали, удастся ли выяснить, на какое время намечается собрание, и не знали, как связаться с Яном Гулой.

- Говоря откровенно, Берестов не очень-то верил в возможность нападения боевой группы на дом Бауэрса, да еще во время сбоя нацистских тузов, - сказал мне Орлов. - Этот особняк, огороженный высоким каменным забором, был похож на крепость и мог выдержать любую осаду. К тому же в день приезда высокопоставленных нацистов замок наверняка стал бы надежно охраняться эсэсовцами и с внешней стороны ограды. Мышь, и та не пробралась бы туда незамеченной. Да и силы окажутся неравными. Что могла сделать горстка людей, вооруженных автоматами и гранатами? Ну убили бы десяток-другой мелких нацистов. О проникновении же в глубокий тыл врага какого-либо партизанского отряда и думать было нечего. Только крупное наступление нашей армии могло сокрушить несколько укрепленных линий обороны фашистов.

Однако Берестову не хотелось расхолаживать товарищей, отнимать у них надежду, и он, ворочаясь с боку на бок на соломе, перебирал различные варианты нападения на замок.

Снова где-то высоко загудели самолеты. Берестов заметил, что неплохо было бы, если бы один из них завернул по пути к замку Бауэрса и сбросил бомбу.

Он даже представил себя в этом самолете, вообразил, как снижается и выискивает в горах среди чистеньких ухоженных коттеджей под черепичной крышей этот мрачный замок с острыми башенками по углам. Конечно, его нелегко обнаружить ночью, но если бросить осветительную ракету, тогда... Правда, и в этом случае возможны осложнения; по самолету откроют зенитный огонь, его попытаются сбить, прежде чем он долетит до замка. Впрочем, на войне без осложнений и не бывает. Всегда стреляют зенитки, но это редко мешало летчикам выполнять свои задания.

И тут мозг Берестова, словно молния, пронзила эта жгучая мысль: обязательно нужно связаться с товарищами из немецкого подполья Сопротивления, но не для того, чтобы они организовали нападение боевой группы на замок, а чтобы сообщили по радио советским войскам о намечающемся сбое в доме Бауэрса, указали бы нужный квадрат, приметы цели и время действия по ней. Немецкие товарищи даже могли бы помочь нашим летчикам найти эту цель, дать в нужный момент условный сигнал ракетой, фонариком, на худой случай поджечь где-то рядом приготовленное заранее сено, пропитанное керосином.

Но для этого опять же нужно было узнать точное время сбоя.

Утром узники составили текст записки Папаше: "Тронут вниманием. Рад, что в Германии есть такие добрые люди, как Вы. Искренне жалею, что не смогу Вам отплатить добром. Разрешите пожелать отменного здоровья и долгих лет жизни. Григорий Курков".

Спустя три дня на стройку снова наведался Кашлюн. Приехал на кресле, после того как проводил Клопса, и сказал, что баню нужно закончить к середине следующей недели.

В распоряжении строителей было восемь дней.

- Если нужны еще строители, то их доставят сегодня же.

Макс перевел слова барона, а строители решили, что управляться своими силами. Узникам не хотелось, чтобы в их бригаду, а точнее, в их маленькую и сплоченную семью, связанную одними интересами и заботами, входили посторонние люди, среди которых могли оказаться и провокаторы.

- Не уложитесь в срок, будете строжайшим образом наказаны, - предупредил барон, уезжая.

И снова мысль заработала у всех в одном направлении: когда будет сбоя, как связаться с лагерем?

А вечером, во время ужина, Курков объявил, что внук барона Курт находится в госпитале. Его приезд ожидается в пятницу. Барон хочет встретить его с почестями и к этому

времени созывает именитых гостей. Даже намечается организовать охоту, как в "старые добрые времена".

Сообщение Куркова всех, конечно, взвинтило. Слишком быстро ему все удалось узнать. Уж не крылся ли здесь какой-либо подвох.

- Мы договорились, что ты будешь советоваться с нами, - сказал Берестов.

- Я не нарушил слова. Просто нам повезло. Я подслушал разговор барона с эсэсовцем. Манфред был в ударе, ему нужен был слушатель, а Парабеллум словно специально для этого создан. Он слушал с неутомимым усердием. Вот барон и выболтал ему все, как говорится, открытым текстом.

- Слишком открытым, - сказал Берестов. - Может, барон темнит.

- Не думаю. Он уже несколько раз обращался ко мне с вопросами, связанными с реставрацией, но я только пожимал плечами, давая понять, что не знаю немецкого. А Папаше я сунул записочку - ту, что мы составили.

Это сообщение удивило строителей не в меньшей степени.

- Как он реагировал? - спросил Берестов.

- Как настоящий конспиратор. Прочитал ее, воспользовавшись болтовней барона с эсэсовцем, и тут же, на моих глазах, разорвал на мелкие клочки, которые незаметно бросил в банку, где у меня лежит всякая ветошь, как бы давая понять, что в его распоряжении нет фактов, которые можно обернуть против меня.

Но самую интересную весть Курков приберег под конец. Оказалось, Папаша тоже передал ему записку.

- Где она? - нетерпеливо спросил Жорж.

- Тебе бы ее поднести на блюдечке с голубой каемочкой, - усмехнулся Курков. - Нет ее у меня, в конце текста стояло: "разорвите и бросьте в ведро с мусором". Я так и сделал. Папаша взял ведро и унес, чтобы опорожнить.

- Что же было в записке?

- С этого и нужно начинать, - усмехнулся Курков. - Но в общем-то, я доволен, что начал рассказ с конца; хотелось подчеркнуть, как Папаша все тонко сделал, и успокоить вас. А написал он следующее: "Спасибо за пожелания. Был бы рад

помочь вам, хотя возможности невелики. Постарайтесь заслужить благосклонность барона, это пойдет на пользу и вам, и вашим друзьям. Он любит произвести впечатление. Отто Грубер!".

Строители попросили Куркова еще раз воспроизвести текст ответной записи, вдумываясь в каждое слово. Она показалась искренней. Какая-то смутная радость охватила узников: они не были отверженными, о них проявляли заботу.

- Заслужить благосклонность зверя, - вдруг усмехнулся Руа.

- А почему бы и нет? - спросил дядя Вася. - У нас в деревне жил мужик Саврас с медведем в одной избе. Этот медведь, можно сказать, поил его и кормил, потому как был научен разным цирковым номерам. А однажды косолапый пришел в коровник и задрал двух телок.

- Зверь зверем и остается, - подхватил Жорж.

- Однако Саврас-то он и не трогал, потому как Саврас заслужил благосклонность зверя. Значит, нужно и нам попробовать. Потрафить надо ему, вот что.

- Сначала нужно узнать, что это нам даст.

- А как узнаешь?

- Спросить у Грубера.

- Он сказал все, что мог, - отозвался Зигель. - Мы должны обмениваться записками в самом крайнем случае, иначе разоблачим и его, и себя.

- Это верно, - согласился Курков. - Он найдет способ помочь нам.

- Есть у меня одна хитрая думка, - сказал дядя Вася. - У старого хозяина бани бревна были проконопачены куделей. Но есть для этого и другое, более надежное средство. Надо убедить барона, что для конопатки стен лучше употребить мох. Он хорошо тепло держит, влагу опять же в себя забирает. И дух от него приятный держится. А в смысле дезинфекции мох просто незаменим. В пакле и клопы, и прочие мелкие паразиты приют находят, а мох для них вреден. В старые времена его на раны накладывали. Да и теперече им пользуются во врачебной практике: на селе, а также партизаны и геологи. В общем, непременно нужен мох, скажем барону. А

какой мох? Ведь их, посчитай, тыщи разных видов бывает. А нужен лиственый, точнее - торфяник. Произрастает он всюду, но предпочитает сырьи и влажные места умеренной теплоты. У нас на Владимировщине мхом лесные болотины, будто узорчатым ковром, укрыты. Любит он в ельниках селиться, сосновыми борами тоже не брезгует. Такой мох и в здешних лесах можно встретить. А главное, он есть в том лесу, куда узников во время тревог выгоняют и по вечерам - жрать почки и ягоду. Вот и пусть барон пошлет нас туда за мхом. Продержимся там до вечера, авось встретимся со своими.

- Дядя Вася, ты - гений, - сказал Берестов, обрадовавшись возможности встретиться с Яном Гулой, узнать у него о судьбе разведывательной группы, возможность передать Яну Гуле все, что ему стало известно. Ян Гула через вольнонаемных рабочих поддерживал связь с товарищами из немецкого подполья. И те могут передать по радио наши соображения о воздушном налете на замок. Хорошо бы послать сюда парочку "Пешек" (так летчики называли пикирующий двухмоторный бомбардировщик "Пе-2" конструктора Петлякова). Он не уступал лучшим истребителям и обладал большой дальностью полета и грузоподъемностью).

- А я со своей стороны тоже придумал, как войти в доверие графа, - сказал Курков. - Подам ему через Макса Зигеля мысль - взять другой принцип в расположении барабанов на полках: "расистский", что ему будет импонировать.

Строители попросили товарища пояснить эту мысль.

- Там барабаны расставлены по принципу "со времен Священной римской империи до наших дней", - продолжал Курков. - Я же предложу расположить их в свете того "научного труда" "Барабаны, расовая теория и geopolitika", о котором барон распространялся при Клопсе, конечно, ни словом не намекая ему о том, что знаю о существовании такого труда. Он ведь всеми силами пытается доказать, что барабаны - лицо расы, что с ними связаны все завоевания чужих территорий. Между тем если расположить барабаны по этому принципу, то можно увидеть, что и барабаны и почти все другие ударные инструменты родились на Востоке. Литавры тоже восточного происхождения, а Европе обязаны своим ус-

вершенствованиями, всячими там педалями и рычагами. Барон упоминал имена королевского баварского литавриста Герхарда Крамера, страсбургского мастера Найсе, гамбургского мастера Де Роде, которые оборудовали литавры механизмами для быстрой перестройки, но истории известны имена музыкантов и из других стран, из Австрии, Франции, Голландии, которые тоже сделали немало всяких приспособлений к литаврам. Большой барабан в Европу пришел из персидских и арабских стран, бубен - из Азии. Словом, надо сделать, чтобы он сам себя высек, как таunter-офицерская вдова...

Предложение узников о том, чтобы заменить кудель мхом, заинтересовало барона. Во второй половине дня Берестов и дядя Вася под охраной Болтуна отправились в знакомой им "душегубке" за мхом. В лесу ждали выделенные для сбора люди из концлагеря. К сожалению, среди них не оказалось ни одного знакомого строителям человека. Строители вообще не видели раньше этих людей среди заключенных. «Может, подсадные утки?» - думали они.

Берестов подошел к низкорослому одноглазому человеку с утиным носом. Почему он выбрал этого непривлекательного узника с черной повязкой на глазу, которая делала его похожим на злодея из сатирической сказки? Может, этот человек показался разведчику примитивным и тупым, и Берестов надеялся раскусить его. Одноглазый торопливо облизал тонкие, втянутые внутрь рта губы.

- Вот и встретились, старина, - Берестов протянул ему руку, словно знакомому.

- Вот и встретились, - повторил тот неожиданно громко для своей тщедушной комплекции и посмотрел на эсэсовцев.

- Ну как там наши действуют? - Вопрос разведчика вызвал у одноглазого растерянность. Он прищурил глаз, и побитое оспой лицо его перекосилось. Разведчику показалось, он подмигнул ему.

- Действуют, братенек, действуют, - наконец проговорил одноглазый, шмыгая коротким носом. - Кому и что передать? - Он стал театрально озираться, но охранники не смотрели в их сторону, словно сговорились не смотреть.

- А что передать? - было похоже, что перед Берестовым действительно стоял шпион.

- Мало ли... У нас ночью бомбежка была. Из трупов поленицу сложили. Да, умирать - не в помишуки играть. И еще разворотило стену в лагере. Кое-кто удрал.

"Вот оно что", - подумал Берестов, а вслух спросил:

- Поймали?

- Куда там. Как корова языком слизала.

- Дела. Ну что же, передай всем привет и скажи, что мы стараемся. В нашей совместной работе - залог успеха. Правильно?

- Правильно, братенек, - одноглазый не сумел скрыть своего разочарования.

- А ты что имеешь в виду? - вдруг спросил он, снова прищуриваясь. - В каком смысле понимать?

- По-моему, мы говорим на одном языке, - сказал Берестов.

- А ты что имеешь в виду?

- Я-то? Да ничего, - он опять зашмыгнул носом. - Кстати, откуда родом будешь?

- Из Москвы. Я же рассказывал.

- Ах да, - спохватился он. - Говорят, в Москве камня на камне не оставили. Гитлер решил озеро там создать, чтобы навсегда скрыть столицу русского государства. Смекаешь?

Как Берестову хотелось дать в зубы этому типу.

- Ладно, будет чесать языкком. Надо браться за дело, а то и не заметим, как солнце сядет.

Дядя Вася показал всем, какой мох нужно собирать.

- Это и есть торфяник. Стебель длинный и слабый, веточки покрыты мелкими листочками, - говорил он, опускаясь на колени перед растением. - Вырывать его нужно с корешками.

До самого вечера строители собирали мох и таскали к машине. Дядя Вася сортировал его, отбрасывал негодные растения, а хорошие складывал в фургон.

Берестов с ним почти не разговаривал, а сам украдкой посматривал в сторону лагеря, не появятся ли заключенные, но, видно, на этот раз их решили оставить без "витаминов".

Одноглазый крутился возле разведчика, задавая вопросы о прошлом Берестова, рассказывал о себе, пытаясь вызвать его на откровенность.

- Из Москвы, стало быть? А я из-под Курска, - говорил он. - Слыхал, небось, о таком городе? Соловьи у нас хорошо поют, мать их за ногу. Зовут меня Тимофеем. Я Тимофеий Шманков.

Потом спохватился:

- Ну, да я, поди, уже говорил это.

- Лишний раз не помешает.

- Это уж точно, - и он стал рассказывать, как выстроил перед войной самый большой в деревне дом, а на крыше еще и башенку приладил, в которую вставил часы "для всех", как женился на самой рослой в округе женщине (он доставал ей до грудей), как заведовал сельмагом.

- Эх, времечко было, - шумно вздыхал он. - Стоишь за прилавком и хрумкаешь все, что под руки попадет: медовые пряники, конфетки-пампушки, печенье, вафельки, шоколадец. А к вечеру еще и мерзавчука раздавишь - это для пищеварения и куражу. Домой приходишь, а у самого и нос в табаке, елки-моталки... Моя любила, когда я к ней под хмельком лез.

Запас слов у него был ограниченный. Свободно обходился только с ругательствами. Их изрыгал, будто блевотину.

- А далее катаклизма моей жизни была такова, - говорил он, сплевывая. - Сначала меня сняли с заведования сельмагом по причине недостатков, так твою растак, потом убегла жена с малолеткой к более охотчому до ее телес, будь она проклята, такая-сякая. Когда немцы напали на нас, меня, как слабого животом и диетного и не могущего воевать, оставили. Немцы хотели сделать меня полицаем, но я отказался, до подлинно, ей Богу. Тогда они меня в вагон и прямым ходом до Германии. А тут засадили в лагерь - на перевоспитание.

- Глаз-то где потерял? - спросил Берестов.

- Еще до войны. Один из родственников кистенем вдарил.

- Он неожиданно засмеялся. И смех у него был трудный, тяжелый. Он словно никак не мог вытолкнуть его из себя. - Начал рассказывать о каком-то Василии Степановиче, который "никогда не отличался умом, а тут совсем рехнулся. Отоспал свою жену на курорт, а сам спутался с моей. Ну, я не остался

в долг, - заключил он. - Выдral ему волосья и теперь он, поди, сверкает лысиной. С ним она и убегла, курva толстозадая".

Улучив удобную минуту, Берестов заглянул в тайник, которым партизаны пользовались для связи с подпольным сопротивлением лагеря. В нем лежала записка от узников с просьбой достать сульфидин для тяжелобольного. Судя по дате, ее положили несколько дней тому назад. И снова разведчиком овладело отчаяние. Выходило, группу Орлова и в самом деле уничтожили. Надо было что-то делать. Но что?

Берестов оставил для Яна Гулы в дупле чертеж поместья Бауэров с указанием места расположения канализационных колодцев, сообщение о предстоящем сборе высоких чинов. Кроме того, строителям удалось разжиться кое-какими харчишками, и теперь разведчик их тоже спрятал в дупло - это для тех, кто лежал в лагерном лазарете.

Ближе к вечеру, когда Берестов принес к машине очередную охапку мха, дядя Вася шепнул:

- Иди-ка, Нилушка, собери вот тот мох у сломанного дерева, да будь осторожнее. В его голосе Берестов уловил тревожные нотки. Дядя Вася собирался еще что-то сказать, но подошел Болтун и показал на часы: мол, пора закругляться.

«Ему, наверное, жрать захотелось», - подумал дядя Вася.

- Еще не хватит, - возразил он, посмотрел на Берестова настороженным взглядом и сунул Болтуну заготовленный строителями на такой случай кусок хлеба с сыром. Болтун тотчас же вонзил в него свои круглые, как галька, зубы.

Берестов же придал лицу беспечное выражение и пошел в указанном направлении, но не прямо, а так, как ходит "конь" на шахматной доске, чтобы можно было в случае чего изменить направление. Болтун не смотрел в его сторону.

Сломанное дерево стояло в нескольких метрах от машины у подножия косогора. Разведчик подошел к нему и чуть не обмер от неожиданности. Вот так сюрприз! Среди мха валялась неразорвавшаяся фугасная бомба. По какой-то причине из взрывателя во время ее полета не вывернулась ветрянка,

и он не сработал. Крылья ветрянки были погнуты и забиты землей.

Сердце Берестова гулко застучало, он почувствовал, как на ладонях проступает пот.

Он еще не успел ни о чем подумать, а руки уже потянулись к взрывателю и стали вывинчивать его из гнезда. Взрыватель сначала не поддавался, а потом все-таки пошел. Мысли разведчика работали лихорадочно, в одном направлении: только бы не заметил Болтун или эти подсадные утки. Скорей, скорей. Вот уже взрыватель в руке. Так и есть, заело ветрянку. Но если ее вывернуть и стукнуть по мембране, будет взрыв.

Берестов сунул взрыватель за пазуху и стал теребить мох, складывая его прямо на бомбу. Едва он успел завалить ее, как подошел Шманков.

- Отдохни чуточку, братишка. Не сахар с пряником сдуваешь. На-тко, закури, - он сделал шаг к груде мха, чтобы сесть на нее.

Сердце у разведчика сжалось в комок. Все пропало!.. И тут Берестов вдруг закричал на одноглазого:

- Работать надо! Скоро стемнеет, - и встал перед ним. - А ты с куревом лезешь. Иди и работай. Понятно?

Шманков неохотно отступил:

- Какой трудолюбивый, ужас берет.

- Да, трудолюбивый. Для отдыха будет ночь.

Берестов стал теребить мох поблизости. Над бомбой выросла высокая куча. Он взял охапку и понес к машине.

В голове разведчика созрел уже четкий план: во что бы то ни стало взять бомбу с собой. И, наверное, этот план у него был напечатан на лице, потому что дядя Вася прочитал его, это Берестов понял по его глазам и по тому, как дядя Вася сказал подошедшему Шманкову:

- Есть закурить, мил человек?

Шманков достал сигареты.

Дядя Вася завернулся за машину, увлекая за собой и Шманкова. Они стали о чем-то разговаривать. Берестов только слышал, как Шманков сказал:

- Катализма моей жизни была такова... потом взрыв.

Разведчик засунул взрыватель под мох, в углу фургона у дверей. Стараясь не выдать волнения, едва сдерживая шаги, направился к своей груде. Думал об одном: сможет ли незаметно перетащить бомбу.

И ему пришлось приложить сверхчеловеческие усилия (откуда они только взялись!), чтобы поднять бомбу и прижать к животу. Сверху и с боков она была завалена мхом. Берестову казалось, что у него вот-вот лопнут жилы внутри, но он старался не подавать виду, что ему тяжело, и даже что-то стал насвистывать, сигналя дяде Васе, что приближается к машине, и чтобы тот задержал Шманкова за фургоном. Дядя Вася рассказывал Шманкову, как они строят баню и как им там живется.

Разведчику осталось сделать несколько шагов, когда появился Болтун. Он нетерпеливо прохаживался возле машины туда-сюда, посматривал на часы. Прятать в фургоне бомбу при нем было рискованно, она могла стукнуть об пол, и это привлекло бы внимание эсэсовца. К тому же Берестов не был уверен, что сможет справиться с этим один, ведь бомбу нужно было поднять на уровень груди. А ее тяжесть возрастала с каждым его шагом. Надо было отдохнуть, собраться с силами. Разведчик положил ее в общую груду мха, откуда дядя Вася отбирал нужный по качеству, и сразу же пошел назад, чтобы эсэсовец не видел выражения его лица. Берестов боялся выдать себя. Ноги подкашивались, хотелось упасть на землю и лежать: час, два, всю ночь лежать без движения.

Дядя Вася снова приступил к сортировке мха. Он не знал, где бомба, и разведчик испугался, что дядя Вася случайно раскроет ее. Но если бы дядя Вася даже и знал, что она на земле, все равно ему было бы не под силу погрузить ее в фургон. Только вдвоем строители могли справиться с этой работой. Берестов шел к машине, а дядя Вася смотрел ему в лицо и читал по нему его мысли, и разведчик тоже читал мысли дяди Васи. Он сказал Берестову глазами, что понял его, и крикнул Болтуну:

- Посигналь гудком, пусть собираются потихоньку: "би, би, би"; - и показал пальцем, нажимая на воображаемую кнопку.

Болтун направился к кабине, а строители в это время подняли бомбу, и когда лес огласился звуками клаксона, положили ее в фургон, в кучу мха. Берестов залез внутрь и, просунув руки под мох, стал подвигать бомбу к стене, дядя Вася помогал ему. Когда Болтун вернулся на место, дядя Вася стал подавать разведчику охапки отобранного им мха. Их взгляды то и дело встречались. В глазах старика можно было прочесть и затаенный страх, и скрытое торжество. Берестов поймал его руку и сжал ее, поздравляя с победой и подбадривая. Дядя Вася ответил тем же.

Шманков тоже стал подавать мох, и вдруг в пальцах Берестова оказалась пачка с сигаретами. Она точно обожгла его, разведчик знал, что за этим может скрываться провокация.

- Ты разве не знаешь, что нельзя ничего принимать и передавать, - сказал он Шманкову и тотчас же вернул пачку.
- Эти сигареты я заработал.
- Вот и кури.
- Имею право распорядиться по усмотрению.
- Но мы не имеем права.

Шманков отошел обескураженный. Может, он и в самом деле угощал разведчика из добрых побуждений? Может, он и не был подсадной уткой? Но использовать его в качестве связного все равно было нельзя. Он был какой-то малохольный, по мнению Берестова, без царя в голове.

Начало смеркаться, когда строители сели в машину и отправились в обратный путь.

Дорогой Берестов и дядя Вася не разговаривали, лежали на душистом мху, и каждый заново переживал все, что случилось в лесу. Они рисковали жизнью. Но думали не о себе, а о том, как нескладно бы все получилось, если бы их предприятие провалилось.

Не думали и о том, как используют бомбу, у них было еще время для этого.

Берестовым снова завладели мысли о товарищах из разведгруппы. Он представил горстку храбрецов на мосту, как они отбивали атаки эсэсовцев, пока горел бикфордов шнур, а потом взрыв.

Болезненная судорога свела горло, но разведчик взял себя в руки и стал думать о том, как незаметно сгрузить бомбу на усадьбе Бауэров и где спрятать.

Когда приехали на место, было темно.

Болтун торопил строителей, ему не терпелось поужинать. Увидев Молчуна у входа в подвал, где уже сидели запертые Курков и Руа, он стал просить его присмотреть за заготовителями, а сам побежал на кухню. Воспользовавшись тем, что Болтун исчез, а Молчун еще не подошел, строители сгрузили бомбу и оттащили ее вместе со мхом к берегу пруда, где решили сложить весь привезенный мох.

И тут Берестову пришло в голову склонить привезенный гостинец под водой, в том месте, где она была покрыта зеленой ряской. Судя по торчавшим веткам, там было неглубоко, но из-за травы дно не просматривалось. Разведчик выхватил из-за пазухи взрыватель и быстро ввернул его вместе с ветрянкой в очко бомбы. Теперь не нужно было бояться, что туда попадет вода.

- Отвлеки Молчуна, - шепнул он подошедшему с охапкой мха дяде Васе. Старик поспешил к машине и вот уже зачертыхался во весь голос. Когда Молчун подошел к нему вплотную, дядя Вася ползal по земле, раскидывая в стороны мох.

- Мой ботинок, - ворчал он. - Свалился с ноги, и я не могу его найти.

Молчун чиркнул спичкой, осветив вокруг себя пространство. Когда она погасла, Берестов схватил бомбу и, подойдя к берегу, опустил ее в воду. Без плеска все-таки не обошлось, и Молчун заспешил к Берестову. Разведчик стал умываться, сославшись на то, что в глаза попала соринка.

Через четверть часа весь мох из машины был выгружен, и Молчун повел Берестова и дядю Васю в подвал, возле которого его поджидал с ключом в руках Парабеллум.

Курков и Руа ждали Берестова и дядю Васю с нетерпением.

- Ну как? - шепнул Жорж, придвигая к ним кастрюлю с овсянкой. - Удалось с кем-нибудь встретиться?

Берестов стал рассказывать о поездке, о том, что им помогали незнакомые, подозрительные люди, и заготовители мха не могли ничего передать, о бомбе пока не говорили.

- Сорвалось, значит, - Жорж выругался. - Плохо дело. Второй раз отсюда не выбраться.

- Это так, - согласился Макс Зигель.

В тот вечер Курков сообщил разведчику, что ему удалось поговорить с Грубером, который делал уборку в Паноптикуме. Грубер нарочно поднял такую пыль, что Парабеллум взял с полки "Манифест интеллектуалов-фашистов" главного теоретика итальянского фашизма Джованни Джентиле и вышел в прихожую, опустив жалюзи.

С тех пор как Парабеллум обнаружил на книжных полках нужное для себя чтivo, он пользовался всякой возможностью, чтобы пополнить свой умственный багаж, и часами просиживал в "предбаннике" за подвернувшимся под руку трудом апологетов фашизма. Даже делал выписки для себя в блокнот. Как видно, он был одним из тех книжных червей, которые, изголодавшись без пищи и вдруг попав в свою стихию, набрасываются на все, что по зубам.

А в библиотеке барона ему не нужно было долго копаться, чтобы выбрать нужную книгу. Они все отвечали интересам этого эсэсовца, со следами невзгод на болезненном лице, еще мечтавшего выбиться в люди.

Однажды Курков перехватил трусливый и злобно – завистливый взгляд Парабеллума, брошенный в сторону Кашлюна, и понял, что эсэсовец готов на все, чтобы встать вровень с бароном, не упустит своего, но во время общения с крупным вассалом превращался в овечку и готов был на вытянутых руках держать ликторские фасции (*).

Даже с Папашей Грубером Парабеллум держался с некоторым подобострастием – это чтобы камердинер не акцентировал внимание на его недостатках.

(*) Ликторские фасции – пучок розог и топор, связанные ремнем, которые несли специальные стражи – ликторы перед высшими должностными лицами древнеримской республики.

ровал внимание барона на том, что кто-то пользуется без спроса его библиотекой, делает из книг выписки. Эсэсовец как-то сказал Груберу: "Надеюсь, все останется между нами," и подарил ему зажигалку.

Грубер опустил ее в карман, давая понять обершарфюреру, что сделка заключена. Не в интересах Папаши было портить отношения с этим фашистом.

И вот, когда Парабеллум удалился, не в силах скрыть своего удовлетворения сделанным выбором, что, как он, считал, позволит ему приобщиться к рассуждениям маxового фашиста о цивилизации и бессмертии, о религии и традициях, о родине и идеалах, о дисциплине и подчинении, Курков еще раз поблагодарил Грубера за внимание и спросил, чем строители обязаны такому проявлению сочувствия с его стороны, сочувствия, за которое Грубер может жестоко поплатиться.

- Я уже поплатился, - сказал Папаша. - И мне больше нечего терять.

- Чем поплатились? - спросил Курков.

Грубер ответил не сразу. Достал один из барабанов и стал выбивать военный марш. Он уже несколько раз играл на барабане и литаврах, и это почему-то раздражало обершарфюрера. Может, барабанная музыка вызывала у Парабеллума колики в животе. Охранник всегда в таких случаях уходил в другую комнату и сидел там, пока Грубер не кончал игру. Не переставая ударять по барабану палочками, Грубер стал рассказывать о себе.

Возможно, Грубер никогда не позволил бы себе заговорить с русскими пленными, потому что не хотел наживать себе под старость новых болячек, знал, чем это грозит, если барону и эсэсовцам станет известно о его отношениях с узниками. Достаточно с него было и того, что он, будучи в прошлом штурмовиком, чуть было не поплатился жизнью в "ночь длинных ножей", когда был отправлен в тюрьму руководитель всех отрядов СА Эрнст Рем и там расстрелян как заговорщик. Тогда многие его соратники, знавшие о темном прошлом заправил нацистской партии, погибли от рук эсэсовцев.

Но теперь Грубер не мог поступить иначе, в его душе по-прежнему горел огонь любви к нации, к Родине, к национальной истории. Но теперь он знал, что это огонь бесполезный, что это огонь, который не может сжечь бесславной жизни своих сыновей и не менее бесславной их смерти. Они были одногодки с Куртом и тоже прошли через юнгфольк и гитлерюгенд, а после их пути разминулись. Братьям пришлось отбывать трудовую повинность, а оттуда они попали в армию, где вступили в национал-социалистскую партию. Сначала служили в карательном отряде СС, а потом, как лучшие из сынов Великой Германии, были направлены в распоряжение Главного Имперского управления безопасности. Грубер не знал, чем они там занимались. А они, как недавно выяснилось из приватного разговора Клопса с Манфредом фон Бауэром (Грубер это слышал своими ушами), работали в гестапо, где снискали себе славу умением развязывать язык самым молчаливым заключенным, для чего применяли на редкость изощренные и жестокие пытки и истязания политических противников национал-социализма.

- Как хорошо, что господь прибрал к себе мою бедную Матильду, и она никогда не узнает этого, - сказал Грубер. - Не узнает она и того, что ее сыновья "попали в автомобильную катастрофу" после того, как однажды, напившись в ресторане, сболтнули лишнее о начальнике гестапо группенфюрере СС генерал-лейтенанте полиции Генрихе Мюллере и его заместителе Кальтенбруннере.

Излюбленный и старый, как смертный грех, прием – убить с дороги инакомыслящих. С ними случилось то, что и с главарем берлинских штурмовиков Карлом Эрнстом и многими другими нацистами, убитыми летом 1934 года за то, что они забыли одну из заповедей СС - "Храните молчание, чтобы не пожалеть о последствиях" - или за то, что они знали, чего не должны знать другие, как это случилось с неблагонадежными членами СА, участвовавшими в поджоге рейхстага. Жестокая мстительность занимала едва ли не доминирующее место среди других качеств, присущих фашистам.

Старый барон и Клопс решили не посвящать Грубера в подробности, связанные с деятельностью и смертью его сы-

новей. Может, жалели. Только эта жалость была не чем иным как крокодиловыми слезами. Не они ли сами и им подобные превратили его сыновей Иозефа и Рудольфа в бесчувственных тварей, живодеров, фанатиков, мастеров голгофы, не они ли и им подобные сломали жизнь самого Грубера, превратив его в закостенелого трусливого обывателя, закрывшего глаза на жизнь, спрятавшегося за толстыми каменными стенами замка от бушующих в мире бурь, не они ли и им подобные довели до могилы его бедную жену Матильду?

Нет, Грубер не хотел перекладывать всю ответственность за подлую жизнь детей на других. Он и сам винил себя в немалой степени. Он не только не поддержал споткнувшихся сыновей, а подставил им ножку.

- Это я своими руками подписал им смертный приговор, - говорил он себе в минуты отчаяния.

Груберу стало ясно, что пассивно прозябать, быть равнодушным, добросовестно относиться к работе у господ, лишенных элементарной порядочности, - тоже преступление, он понял, что не должен больше жить так, как жил раньше, что нужно действовать. Только как? Стал вспоминать то время, когда избивал в пивных инакомыслящих, когда громил еврейские лавочки и брал за горло лавочников и ремесленников, выступавших против закона о принудительном картелировании, который ограничивал мелких буржуа и усиливал (чего он тогда не знал) могущество крупного капитала и в частности клана Бауэров; когда бросал в костер книги. Он пытался представить людей, с которыми боролся, вспомнить их деятельность, направленную против национал-социалистов. Но ничего из этой деятельности не подходило ему в его теперешних условиях. Единственное, в чем он успел убедиться тогда воочию, так это в том, что пассивное сопротивление и активная борьба с противником в одинаковой мере рискованы и в конечном итоге в одинаковой мере наказуемы.

А в это время в доме Бауэров стали появляться русские пленные. Он видел: они готовы были пойти на все, чтобы убежать из плена и снова взяться за оружие. Ему хотелось как-то помочь им, облегчить их участь; он украдкой носил им

пищу, а если бы представилась возможность, то попытался бы сделать для них что-либо и более существенное.

- В конце разговора со мною, - сказал Курков Берестову, - Грубер спросил: "Что нужно сделать? Если это в моих силах, я сделаю". Грубер сказал, что барон доволен работой заключенных и будет договариваться с комендантом лагеря, чтобы оставить строителей в усадьбе еще на некоторое время для ремонта подсобных помещений, а Куркова - для проведения реставрационных работ; распорядился, чтобы узникам было выделено по пятьдесят граммов мяса.

- Чтобы скот хорошо работал, его, к сожалению, надо все-таки кормить, - сказал он Груберу.

Курков спросил Папашу, когда намечается демонстрация барабанов гостям, и Грубер сказал, что в субботу вечером, когда приедет на побывку внук барона Курт Бауэр.

В субботу вечером! В субботу вечером в замке соберутся высокопоставленные нацисты, - эта мысль вытеснила из головы Берестова все остальные.

- Надо действовать, - как всегда, быстро возбуждаясь, сказал Жорж.

Берестов переглянулся с дядей Васей, кивнул ему. Тот ответил улыбкой. И вот тут заготовители мха стали рассказывать о бомбе. Сначала говорил дядя Вася: о том, как он отошел от машины по маленькой нужде и увидел ее, как испугался и чуть не закричал, но вовремя спохватился, как переживал, раздумывая, говорить Берестову или не говорить о бомбе, потому что чувствовал: Нил не оставит ее в покое, а это значило, что его жизнь окажется на волоске.

Рука то и дело обнимал Берестова и дядю Васю и все говорил, что они просто герои и их нужно бы наградить орденами.

- О-ля-ля! Ведь мы, имея в своих рядах такого сообщника, как мосье Грубер, теперь весь этот чертог на воздух поднимем, - шептал он возбужденно. - Только все надо хорошо продумать, чтобы отрезать один раз.

- Ты считаешь, Папаше нужно рассказать о бомбе? - спросил Берестов у Жоржа. - Мы можем допустить, что он действительно хочет нам помочь, но помочь помочи рознь. У нас

какая цель? Доставить бомбу в замок к тому времени, когда к барону приедут гости, и в нужный момент ее взорвать, так? Так, конечно! И мы думаем только о том, что сможем уничтожить какое-то число нацистских главарей. И не берем во внимание, что будет с нами, что будет с Грубером. А будет то же, что и со всеми. Захочет ли Грубер, а вернее, сможет ли отдать свою жизнь? Ведь она у него небезнадежна. Он может выжить в этой войне и знает это.

- А почему он ее должен отдавать? - спросил Руа. - Пусть живет на здоровье. Он него потребуется немного: ночью вытащить бомбу из пруда и спрятать в надежном месте, а потом, когда мы будем на работе, доставить ее в подвал и закопать в уголь. Когда фашистский шабаш будет в разгаре, он покинет замок как бы по своим надобностям и отойдет по дальше, скажем, к нашей бане, которая видна из крайнего окна подвала: прежде чем раскурить свою трубку, сожжет три спички, или покашляет, или произведет другой шум.

- И только после этого мы будем действовать, - докончил дядя Вася. - Скажем друг другу "последнее прости" и ударим по взрывателю.

Все это говорилось так просто, словно речь шла о чем-то пустяшном, далеком от какого бы то ни было риска. А ведь за этими словами стояла неминуемая смерть.

Слушая рассказ Орлова о Берестове спустя четверть с лишним века, я невольно думал о нашем поколении, о том, что для нас не существовало гамлетовского вопроса: Быть или не быть? Борясь с заклятым врагом советской власти, мы меньше всего заботились о себе, о своей жизни. Главное для нас была победа, пусть маленькая, но победа.

Мы знали - из этих маленьких побед сложится и победа над всей фашистской Германией. Мне вспоминается, как в одной из речей по радио Геббельс сказал, что большевистский солдат демонстрирует порой действительно поразительное равнодушие к смерти, которое было бы слишком большой честью именовать храбростью. Конечно, нелегко было нацистскому пропагандисту и его сподручным увидеть у советских людей такие черты, как отвага и геройство. И пото-

му они находили другое объяснение самоотверженным поступкам советских воинов. Они говорили об обреченности и отчаянии, которые вынуждают солдат идти на смерть. Но то, на что шел наш народ, можно называть только храбростью.

- А если Грубер не поверит нам? - высказал опасение Берестов. - Не поверит, что мы приведем в действие бомбу только тогда, когда его не будет в замке? И откажется нам помочь. А без его помощи не обойтись. Мы, конечно, взорвем свою бомбу, но только не в замке. А это уже не даст нужного эффекта. Давайте думать, как сделать, чтобы он поверил.

И тогда Курков сказал:

- Коли так ставится вопрос, значит, мы сами не верим Папаше. Или сомневаемся в его стремлении помочь нам. А без взаимного доверия сделать ничего нельзя.

- Помощь помощи рознь, - заметил Берестов. - Здесь ставится на карту его жизнь. Давайте дадим ему право решать, когда взрывать бомбу. Тем более что мы все равно не сможем выбрать нужный момент. И право вето на взрыв.

- То есть? - спросил Руа.

- Мы предложим ему взять взрыватель. Когда наступит благоприятный момент, он сунет нам его в окошко.

Некоторое время строители обдумывали это предложение. В нем был резон. Если действительно они верили Груберу, то должны на деле показать это. Если и он верит им, то должен соответственно отреагировать на их предложение.

В конце совещания узники сошлись на том, что при следующем разговоре с Папашей Курков, что называется, кинет пробный шар, то есть спросит совершенно безотносительно, как бы реагировал Грубер, если бы кто-то намеревался взорвать замок Бауэров. Если его ответ окажется удовлетворительным, Курков пойдет дальше и попытается узнать, смог ли бы в таком случае Грубер помочь подрывникам. Если и в этом случае ответ будет удовлетворительным, он скажет, что хотел бы устроить такой взрыв. Такое признание не должно навести Грубера на мысль, что у заключенных имеется возможность подорвать замок. Ведь "хотеть" - еще не "мочь".

Целых три дня Грубер не появлялся в паноптикуме, и Курков не имел возможности переброситься с ним даже парой слов. Строители были словно на иголках. Разговаривать о своих планах на стройке не решались, боялись, что кто-то из эсэсовцев подслушивает. Узники работали молча, наблюдая за тем, что происходило вокруг. Впрочем, ничего особенного они не замечали. Иногда среди деревьев мелькала темная фигура старого барона в жужжащей коляске, и казалось, что это ползет по аллеям парка огромный навозный жук.

Зато как только узников запирали в подвале, они ложились голова к голове и начинали обсуждать самые различные варианты использования бомбы. Жорж предлагал установить ее под полом бани взрывателем сверху в том месте, где будут сооружены нары, на которых парятся. При этом намеревался сделать устройство, которое бы привело взрыватель в действие, как только нары прогнутся под тяжестью порядка ста-ста пятидесяти килограммов. Таким образом, можно было рассчитывать, что взрыв произойдет, когда на полок заберутся фашистские бонзы, а если повезет, то и сам Геринг.

Дядя Вася усомнился в надежности этого устройства и вызвался собственноручно взорвать бомбу, как только у бани соберутся фашисты.

- Мой конец отчетливо проглядывается, - сказал он, - я тоже хотел бы хлопнуть дверью, уходя из жизни, хотел бы...
Собственно, все узники были в одинаковом положении, у всех у них конец был один и каждый готов был сделать то же самое, что и дядя Вася. И все-таки...

- Не то, не то! - говорил Берестов. - Напряжем свои извилины в черепной коробке.

А на четвертый день Курков вернулся вечером с невероятными новостями. Ему снова удалось поговорить с Грубером "под барабанную музыку".

Папаша спросил, чем вызван интерес к приезду в замок гостей и Курта фон Бауэра.

- Вы все равно будете в это время находиться в подвале и ничего не будете знать, - сказал он.

И тогда Курков спросил, как Грубер будет реагировать, если кто-то попытается взорвать замок.

- Это исключено, - сказал Папаша. - Когда в доме собираются высокопоставленные особы, его оцепляют войсками СС. Муху, и ту подстрелят, если попытается пролететь.

- Но вы не ответили на вопрос, - заметил Курков.

- Неплохая была бы иллюминация, - усмехнулся Папаша, - только этот фейерверк не состоится.

- А если это сделаю я? - спросил Курков.

- Вы?! Каким образом? Вы находитесь под постоянным наблюдением. Да и взрывчатка нужна. Мне достать ее негде, к сожалению.

И вот тогда Курков сказал Груберу, что взрывчатка найдется, папаша даже на барабане играть перестал и отступил на шаг в сторону, точно его собеседник был сам начинен взрывчаткой и с минуты на минуту мог взорваться. А потом спохватился, забарабанил еще громче.

- Этого не может быть, - усомнился он.

- Может. Я знаю, что говорю, - сказал Курков. - Но мне нужно помочь. Сможете ли вы помочь? Ваша безопасность будет гарантирована. Взрыв можно произвести, когда вы выйдете из замка.

- А вы сами? А ваши друзья?

- Нам все равно придется умереть. А у нас в России говорят так: умирать - так с музыкой.

Грубер задумался. И долго играл молча. А потом сказал:

- Значит, поездка за мхом была ненапрасной.

Курков помолчал, не спуская глаз с Грубера, стараясь понять его отношение к тому, о чем они говорили.

- Я помогу, - наконец, сказал Грубер. - На какую силу взрыва рассчитываете?

- На несколько десятков килограммов. Это авиационная бомба.

Грубер снова прекратил игру, достал трубку и стал набивать ее табаком.

- Да, тут будет всем баням баня.

Вошел Парабеллум с томиком Ницше в руках, положил его на полку и взял другой такой же, постоял, полистал, засунув в угол рта незажженную сигарету.

Грубер раскурил трубку и снова принялся играть. Он весь отдался музыке, бросая украдкой взгляды на Парабелума, который беспрестанно морщился, а потом не выдержал и ушел в другую комнату, спустив жалюзи. Грубер подмигнул Куркову и сказал:

- Бомбу нужно заложить в кабинете барона.

- Но как туда проникнуть, чтобы произвести взрыв?

- Это сделаю я.

Теперь пришла очередь удивиться Куркову:

- Вы? Каким образом?

- Видите ли, - Грубер на секунду задумался. - Однажды делая уборку в кабинете барона, я случайно зацепил тряпкой за карниз панели возле книжного шкафа и оттянул его на себя. Под ним оказалась кнопка. Я нажал ее, и вдруг одна из панелей под своей тяжестью отошла в сторону. Обнаружился узкий проход. Выбрав благоприятное время, когда барон занимался своими розами в саду, я обследовал его и увидел, что проход в толстой стене ведет к подземной зале, в которой мы сейчас находимся и которую граф теперь использует в качестве бомбоубежища.

"Так вот каким образом барон мог услышать речь Клопса во время устроенного гитлеровцами судилища над своим товарищем", - подумал Берестов.

- По моим соображениям, - говорил Папаша Куркову, - об этом потайном ходе никто, кроме старого барона, в доме не знает. Не знают здесь и о шахте, люк в которую сделан в нижней части этого хода. Он прикрыт каменной плитой, которыми выложен пол в туннеле. Куда ведет эта шахта, мне тоже неизвестно.

Пересказывая разговор с Грубером, Курков при упоминании о шахте сделал небольшую паузу, и сердце у разведчика вдруг екнуло. Он вспомнил недавнюю беседу Клопса с бароном в паноптикуме, во время которой эсэсовец рассказал, как искал с Куртом подземный ход.

- А что если шахта ведет к этому ходу, - подтвердил Берестовскую мысль Жорж. - Ведь мы, о-ля-ля, можем им воспользоваться.

- Так вот, есть прямой смысл заложить бомбу возле потайной двери и взорвать ее, когда в кабинете барона соберутся доверенные лица на пунш, во время которого обычно ведутся деловые разговоры, - продолжал Грубер.

- А если не соберутся? - спросил Курков.

- Такого не бывало. Сюда просто так, чтобы только выпить и повеселиться, еще никто не приезжал. На языке Манфреда фон Бауэра это называется "делать политику", тут, как правило, наживаются тузы, а в убытке остается народ. Сколько такого я нагляделся. Даже в делах, требующих бескорыстия, Бауэры норовят извлечь выгоду.

- И вы хотите сами произвести взрыв? - спросил Курков Грубера.

- Больше некому.

- Вы готовы принести себя в жертву?

- Не будем говорить о жертвах. Я проникну к бомбе со стороны залы, в которой мы сейчас находимся, подожгу шнур и задержусь здесь до того времени, как произойдет взрыв. Вот и все.

- Шнур не поможет. Чтобы ударить по взрывателю, потребуется ударное устройство, которое нужно привести в действие, находясь от него на значительном расстоянии. Мог бы подойти любой тяжелый предмет, подвешенный над бомбой.

- Понимаю, понимаю. Ну что ж, это можно, - сказал Папаша. - В замке достаточно тяжелых предметов. Вот хотя бы эта музыкальная наковальня, что стоит среди барабанов.

- Но вам необходимо покинуть дом, ведь вы говорите, что кабинет рядом с залой, - сказал Курков.

- Над ней. Нас будет разделять каменное перекрытие толщиной в два метра, усиленное железными балками. Как-то барон сказал, что даже прямое попадание большой авиационной бомбы не причинит вреда подземному убежищу.

- И все-таки.

- Ладно. Во всяком случае я еще не собираюсь умирать. Меня заботит другое.

- Что именно?

- Вы и ваши друзья. Убежать отсюда будет нелегко даже после того, как произойдет взрыв, который вас в общем-то тоже не коснется.

- Конечно, не хочется умирать, особенно теперь, когда "третий рейх" трещит по швам и конец его неизбежен, - сказал Курков, - но...

- Вот об этом и нужно думать, - перебил его Папаша.

И тут снова вошел Парабеллум, долго внимательно смотрел то на Грубера, то на Куркова.

Играя на барабане, Папаша запел вполголоса:

- Мы будем шагать все дальше,
Пусть рушится все вокруг.

Сегодня - наша Германия,

А завтра - весь мир!

Губы эсэсовца зашевелились. Он тихо, почти про себя, подпевал Груберу.

А Папаша вдруг оборвал песню на полуслове и, не снимая с плеч барабана, пошел на выход. Эсэсовец посмотрел на часы и велел Куркову закругляться.

Когда Парабеллум и Курков поднимались по лестнице, Папаша уже оповещал барабаном о том, что в замке Бауэрлов наступает время обеда.

Известно, что даже в самые хорошие планы, составленные с учетом имеющихся возможностей, порой приходится вносить корректизы, потому что происходят какие-то неожиданные изменения. Берестов рассчитывал и дальше поддерживать связь с Грубером через Куркова, а реставратора неожданно-негаданно для строителей отправили в другое место. И опять не без участия коменданта Блюма, которому не удалось поживиться за счет Бауэрлов. Ему, видно, не перепало и за то, что барон использовал Куркова на реставрационных работах. Возможно, Блюм обиделся на Бауэрлов, хотя и не показывал этого. Враждовать с бароном в открытую не было смысла. Но не таков Блюм, чтобы упустить своего. Он пронюхал, что у одного из высокопоставленных партийных бонз, принадлежавшего к представителям старой феодальной знати, имеется богатая коллекция картин, и решил, что ему уда-

стся произвести выгодный для него шахер-махер, порекомендовал Куркова этому любителю искусства в качестве реставратора. И Курков был срочно отзван из замка.

В книгах о фашизме в Германии, которые мне довелось прочитать, говорилось, что фашисты знали истинную ценность произведениям настоящего искусства уже тогда, когда прочесывали музеи, запасники и частные собрания, выискивая "зараженные большевизмом" "противные арийской душе" произведения для того, чтобы предать их огню; когда составляли "черные списки" на художников, которые должны были "почувствовать карающую десницу"; когда вывешивали вместо изъятых произведений портреты "великого фюрера". (Число художников, которые специализировались на портретах Гитлера, превышало двадцать пять тысяч). Свастика, суральные олеографии, героические рисунки, сахариновые пейзажи "украшали" квартиры бюргеров. "Упорядочивая" искусство, нацистские бонзы, в число которых, видимо, входил и Блюм, прикарманивали бесценные произведения. Стены жилища Геринга украшали картины Ренуара, Ван Гога, Матисса, Сезанна, Дега. В покоях Гитлера висели полотна Гойи, Энгра, Ватто. Их примеру следовали и более мелкие сошки. И нет ничего удивительного, что Блюм тоже решил погреть себе руки. Воспользовавшись законом "О конфискации произведений упадочного искусства", подписанным Гитлером и Геббельсом, он в составе специальных комиссий безвозмездно брал в музеях и частных домах Германии, а потом и на оккупированной территории все, что ему приходилось по вкусу и имело цену.

Работая во время войны в реставрационной мастерской одной из картинных галерей в городе, над которым нависла угроза немецкой оккупации, Курков занялся оборудованием тайников для ценных памятников живописи, и ему удалось спасти немало шедевров. Но сам он из города уйти не успел и попал в лапы гестапо. Попытки фашистов выведать у художника, где находятся картины, ни к чему не привели. Он утверждал, что их вывезла администрация галереи перед приходом немцев. Доказать обратное фашистам не удалось, хотя подозрения с него и не были сняты. Именно по подозрению в

сокрытии художественных ценностей Курков и был отправлен в концлагерь.

Попав на виллу Блюма, реставратор обратил внимание матерого фашиста на подлинные шедевры искусства и тем самым не дал им погибнуть. Курков как бы заставил Блюма позаботиться о бесценных творениях талантливых мастеров, с тем, чтобы потом народ смог найти этим творениям достойное место.

Отъезд Куркова из замка намного осложнил связь строителей с Грубером, и они теперь чувствовали себя значительно менее уверенно.

Между тем строительство бани в имении Бауэров уже завершалось. Узники вроде бы и сами не заметили, как поднялся на взгорке, подальше от сырости и заревых туманов ладный рубленый домик, чем-то напоминающий сказочный теремок. Избушка смотрела на мир божий тремя небольшими оконцами, с одной стороны перед ней расстилалась голубая гладь пруда, а с другой подступал парк с разными диковинными деревьями, сквозь которые проглядывал огромный особняк Бауэра. Она стояла прочно, эта русская избушка, будто выросла тут, пусть в землю крепкие корни, и совсем не казалась сироткой, случайно заброшенной в чужие края. Даже скорее наоборот, избушка как бы олицетворяла собой простоту и надежность русского стиля.

Не дожидаясь, когда будет подведена под венец крыша, Жорж принялся за печку. Для раствора, которым цементировались кирпичи, он брал воду в пруду, неподалеку от того места, где лежала на дне спрятанная бомба. Теперь и Папаша Грубер знал, где она находится. Он должен был выбрать момент и перетащить бомбу в замок. Всякий раз, когда Жорж шел с ведром воды от пруда, строители украдкой смотрели на него, он недовольно морщился, и они знали: бомба еще на месте. И боялись за Грубера, которому предстояло перетащить бомбу.

Когда темнело и тень от бани падала на озеро, узников уводили в подвал. Наскоро поев, они падали на солому и не вставали до утра. По ночам им снилась эта бомба с ластообразным оперением.

Однажды, неся воду, Жорж что-то замурлыкал себе под нос, Берестов поднял голову и увидел на его смуглом лице улыбку. Строители тоже вдруг заулыбались. Наверное, они радовались слишком откровенно, потому что Болтун и Молчун переглянулись и о чем-то заговорили, бросая в их сторону колючие взгляды.

А перед ужином Грубер подошел к Парабеллуму и попросил, чтобы эсэсовец выделил кого-либо из узников принести дрова для камина. Пошел Зигель в сопровождении Болтуна. В подвале Папаша сообщил Зигелю (они спускались туда несколько раз), что бомба установлена. Над взрывателем Грубер подвесил наковальню. Достаточно было дернуть за свободный конец шпагата, чтобы развязалась петля на веревке и освободила висевший на ней груз...

- А где свободный конец? - спросил Берестов у Зигеля.

- В паноптикуме.

- О-ля-ля! - воскликнул Жорж. - Как в сказке.

- Сказка впереди, - улыбнулся Зигель. - Сейчас узнаете такое, что вряд ли сможете заснуть этой ночью. Грубер сказал, что, если мы отгребем антрацит, то обнаружим оконце с желобом, по которому сюда спускают уголь и дрова. Наверху, у стены, имеется железный люк. Он закрыт на замок. Через этот лаз можно выбраться наружу. Петли люка изрядно заржавели, и если по нему хорошенко ударить снизу бревном, которых в подвале сколько угодно, они отскочат. Сделать это нужно после того, как произойдет взрыв, когда эсэсовцам будет впору подумать о себе. Грубер сказал, что убежать с территории едва ли удастся. Мы неминуемо попадем в лапы гитлеровцев. Он предлагает временно спрятаться в одном из старых канализационных колодцев, который находится возле флигеля. Там уже приготовлена еда с водой на несколько дней и плошки со стеарином.

- Еще одна небезынтересная деталь, - продолжал Макс, увидев, что строители немного успокоились и могли воспринимать его слова. - Когда я спросил Папашу, как он мог услышать приватный разговор барона с Клопсом о трагической судьбе его сыновей, Папаша сказал, что Бауэры когда-то фиксировали с помощью специального записывающего уст-

ройства все разговоры, которые происходили в замке между деловыми людьми. Делалось это, безусловно, в тайне от гостей. Все записи и по сей день хранятся у барона в сейфе, и доступ к ним имеет только сам хозяин. Эту звукозаписывающую систему в свое время оборудовал Курт фон Бауэр, прошедший через нацистские организации Юнгфольк и Гитлерюгенд, где в числе прочих наук обучался методам слежки и контроля за политическим настроением населения. Папаша Грубер иногда ради любопытства слушал, о чем говорили в кабинете у старого барона, что, кстати сказать, позволило ему не только окончательно разувериться в насаждаемой нацистами системе, но и дало повод возненавидеть ее. Грубер был свидетелем жутких сделок между заправилами Главного административно-хозяйственного управления, ведавшего всеми концлагерями, и бароном Манфредом фон Бауэром, а потом его преемником Гансом - сделок, связанных в первую очередь с получением даровой рабочей силы и главным образом высококлассных специалистов.

- И ты, конечно, спросил, не сможет ли мосье Грубер сделать отводку через дымоход в наш подвал и снабдить нас телефоном с наушниками, чтобы мы могли прослушать все разговоры, которые будут вестись в трапезном зале и кабинете барона, - сказал Жорж.

Зигель вздохнул.

- Я не мог иначе, хотя и помнил наш уговор все согласовывать. Ведь следующего случая могло и не представиться.

- Ты поступил правильно, - сказал дядя Вася.

- Что пользы, - снова вздохнул Зигель. - Грубер сказал, что эта система давно бездействует, в ней что-то сломалось, и барон не дождется, когда приедет Курт и починит ее. Грубер пользовался калориферной трубой, которая соединяет некоторые комнаты. Если в одной открыть отдушину и подставить ухо, то можно услышать, что говорят в другой.

- Как жалко, что в нашем подвале нет таких отдушин, - сказал дядя Вася.

- Зато есть тепловые трубы, идущие от печи. Они проходят где-то в стене.

- И надо их найти, - закончил Берестов начатую Жоржем Руа фразу.

- Как найти? Этот замок можно назвать замком молчания.

- А радио, что время от времени включает в своем кабинете барон? А бой часов? - возразил Берестов. - Мы должны простукаль и прослушать стенку, которая примыкает к печи.

Мысль Берестова пришла всем по душе. Да и понятно, обнаружив нужные трубы, узники смогли бы услышать то, что им могло бы пригодиться.

Настроение у всех поднялось. Это было связано еще и с тем, что строители узнали о существовании подземного хода, и у них появилась надежда на спасение.

Зигель оказался прав. В ту ночь строителям так и не удалось заснуть. Они сравнивали себя с детективами, пытающимися найти в стене тайник контрабандиста. Они не пропустили ни одного боя часов в замке, и поиски их увенчались успехом. Они нашли трубы, идущие к трапезной зале и кабинету барона. Чтобы добиться лучшей слышимости, узники решили сделать щели между камней. Это оказалось нелегко, если учесть, что у них не было острых предметов. К тому же они должны были действовать бесшумно. И тогда все снова вспомнили о Грубере. Он бы мог им помочь в этом деле.

Под утро дядя Вася шепнул лежавшему рядом Берестову на ухо:

- А вдруг бомба не взорвется.

Разведчик и сам думал об этом, но молчал, не хотелось, чтобы у его товарищей появилось сомнение, не хотелось отнимать у них надежду. И дядю Васю тоже не хотелось расстраивать.

- Почему не взорвется, - сказал он, - должна взорваться.

- А я откуда знаю, почему, - продолжал дядя Вася. - Не взорвалась же в лесу.

- Ветрянка не сработала.

- Вот и опять что-нибудь не сработает. Может, ее делали такие же, как мы, заключенные и, уж если им представилась возможность сделать, чтобы она не взорвалась, они сделали.

На это было трудно что-либо возразить, но Берестов сказал, что в бомбе нет механизма, и примитивнее ее ничего

нельзя представить. Она начинена взрывчаткой и все. Ее детонация происходит под действием взрывателя.

- Он-то и может подвести, - не унимался дядя Вася.

- Стопроцентной гарантии в безотказности техники вообще не бывает, как, впрочем, и в безотказности тех, кто ее сделал,

- Берестов попытался придать своим словам некий философский смысл. - Сегодня мы живы и здоровы, а завтра кого-то из нас может хватить удар. Но человек так устроен, что заложенные в нем надежды превышают сомнения. Без этого нельзя жить.

Берестов говорил еще что-то в этом роде и, кажется, несколько поднял в дяде Васе уверенность, во всяком случае он больше не говорил на эту тему, но сам-то Берестов не был уверен до конца в благополучном исходе намеченной операции. Могла подвести бомба, да и взрыв ее еще не означал бы, что узникам обеспечено избавление от неволи. Эсэсовец, который будет их охранять в это время, может и не покинуть поста. Конечно, обо всем этом заключенным еще предстояло поговорить, чтобы иметь в запасе несколько вариантов побега. Как это бывает у летчиков, которые готовятся к боевому вылету. Они выбирают для себя самый лучший, наиболее благоприятный вариант и работают по этому оптимальному варианту. Но в ту ночь ему об этом говорить не хотелось. Нельзя было лишать людей веры, которая только что родилась в них. Это было бы несправедливо и жестоко. И дядя Вася это тоже понимал, потому и заговорил с Берестовым тихо, чтобы никто не слышал. Но, как узналось позже, и Жорж и Макс тоже в эту ночь думали о том, что бомба может не взорваться, и о других непредвиденных осложнениях. И все размышляли про себя, не находя в себе сил признаться в этом, а вернее, не желая заронить в душу товарищей сомнения.

- И все-таки нашей баньке чего-то еще не хватает, - проговорил дядя Вася, озабоченно кружка вокруг аккуратного домика. Строители не перечили ему, старик знал свое дело и говорил то, что думал, посматривали на него с любопытством.

- Нарядности не хватает, - наконец сказал плотник. - Она похожа на ядерную пригожую вдовушку, на которую зарята, готовы приласкаться и получить свое, а свататься годят. Нужно, чтобы наша банька выглядела невестой. Обрядить ее кружевами бы, украсить, чтобы влюбился в нее всяк, кто пройдет мимо, сердцем присох к ней.

Он велел принести строганую доску и тотчас же начал на ней выводить карандашом узоры в виде хитроумных завитушек и вензелей. И было что-то родное, исконно русское в этих завитушках.

- О-ля-ля, ты, мосье, просто художник, - сказал Жорж, любясь работой плотника. - Только надо ли метать бисер перед свиньями.

- Уж так и художник, - ухмыльнулся польщенный дядя Вася, пропустив мимо ушей реплику француза.

Потом он просверлил в нужных местах дырочки в доске, взял тонкую продольную пилу и стал аккуратно выпиливать узоры. Строители следили за его неторопливыми движениями с затаенным дыханием. Казалось, вот-вот нажмет он чуть сильнее, возьмет наперекос, и выпиленный вензель отскочит в сторону. Но дядя Вася чувствовал дерево и не делал неверных движений. Пила кружила и кружила по карандашным наметкам, на землю с опилками отлетали ненужные куски, а доска превращалась в затейливое деревянное кружево. Дядя Вася устал. Мокрая от пота рубашка прилипла к ребрам, но он не бросал работы, он относился к ней творчески и не замечал времени.

- Нас, владимирских плотников, что занимались вырезыванием наличников и карнизов, аргунами называли, - говорил он. - Если бы соорудить станок, можно было бы не такое сотворить.

Когда с опиловкой было покончено, он взял стамеску и принялся снимать с дерева заусенцы.

- Это трафарет, - сказал дядя Вася. - По нему напилим узоров сколько угодно, если, конечно, будут время и охота, а точнее - выгода. Сделаем узорчатые карнизы под крышей, наличники на окна и двери, боковики на углах. Пусть наша баня невестой стоит на этой земле.